

АНТОНИНА КРУПНОВА

КОЛЕСНИЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЧЕТВЕРКА АНГЕЛОВ

18+

Антонина Крупнова

Колесница и четверка ангелов

«Автор»

2025

Крупнова А.

Колесница и четверка ангелов / А. Крупнова — «Автор», 2025

Москва, начало 2010-х. У Зои есть все: красный диплом, стажировка в Европе, прекрасный молодой человек. А еще у Зои есть труп – она соглашается на случайную подработку переводчиком и на следующий день находит свою заказчицу убитой. Старинный дневник киргизского юноши, который Зоя должна была перевести, становится ключом к разгадке. Поиск преступника сводит героиню с сотрудниками агентства по решению нестандартных вопросов: обаятельным красавцем Тимуром, страдающим от нервных тиков, Витей, умным инженером с грустной судьбой, и Софьей, острой на язык стервой, которая не хочет принимать Зою в команду. Зое предстоит через многое пройти, стать взрослее, решить, чего она действительно хочет от жизни, и побороться за настоящую любовь. Само же расследование будет крутиться вокруг архивов, библиотек, музеев и арт-рынка на фоне той Москвы, какой она была пятнадцать лет назад.

© Крупнова А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. В которой Зоя получает первое предложение о работе и, к сожалению, принимает его	5
Глава 2. Про зайцев, котиков и вредные привычки	14
Глава 3. В которой Зоя получает второе предложение о работе и, к сожалению, принимает и его	22
Глава 4. В которой Зоя продолжает стесняться, Тимур ведет себя нормально, Витя показывает новые таланты, а Софья просто Софья	33
Глава 5. В которой Тимур справляется со стрессом, Зоя учится задавать вопросы, Витя пьет кофе, а Софья просто ест	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Антонина Крупнова

Колесница и четверка ангелов

Глава 1. В которой Зоя получает первое предложение о работе и, к сожалению, принимает его

Примечание к части

Предупреждение для читателей:- История происходит в Москве. Какие-то места указаны точно, а какие-то - показаны как собирательный образ, без конкретики.- Главная героиня и ее друзья - участники фандома. Фандом этот не настоящий, не отсылает ни к чему конкретному и просто существует как собирательный образ. Как говорится обычно, все совпадения случайны и не являлись целью автора.

Нет больше радости в мире, Чем тебя воспевать лишь одну На дуэли в пробитом мундире Плевать кровавым сонетом во мглу И как сказывал доблестный Пригов: Живи не по лжи, даже если жизнь ад(Ундервуд - Герои как мы)

— Вы ведь знаете таджикский?

Взгляд маленьких бегающих глаз уколол Зою.

— Тад... таджикский да, знаю. — Она кивнула и тут же начала готовить суетливое объяснение, что вообще-то она знает фарси, но таджикский похож, и проблем не будет, и...

Но в этот момент ей в руки пихнули толстую тетрадь в коричневой клеенчатой обложке.

— Мне нужен срочный перевод вот этого. — Светлана Дмитриевна Карачаева, хозяйка переводческого агентства «Глобал транслейтинг», ткнула острым красным ногтем в тетрадь.

— Можно мне?.. — Зоя, получив кивок, осторожно потянула на себя тетрадь и открыла первую страницу.

Повисло молчание.

— Ну так? — Светлана Дмитриевна нетерпеливо постукивала ногтями по стеклянной поверхности своего рабочего стола. Зоя, которая сидела напротив нее на пугающе раскачивающемся стуле для посетителей, замялась.

— Понимаете... дело в том, что это не таджикский, — осторожно ответила она.

— А какой? — с явными нотками раздражения в голосе бросила владелица переводческого агентства.

Зоя еще раз посмотрела на ровные строчки, написанные удивительно красивым, округлым почерком.

— Э-э-э... может быть... киргизский?

Или любой другой язык, которого она не знает и который использует латиницу — это Зоя подумала, но вслух не сказала. Хотя, судя по беглому взгляду на несколько предложений, это и вправду, скорее всего, был киргизский, но явно не современный, иначе была бы кириллица.

— Хорошо. Так вы переведете? — бросила Светлана Дмитриевна, буравя ее взглядом и начиная посматривать на часы за спиной Зои.

— Но... я...

Зоя замешкалась. Она не вполне понимала, как владелец переводческого агентства может задавать ей подобные вопросы — отчего-то казалось, что, работая в таком бизнесе, люди хотя бы немного должны разбираться в языках. Представить, что кто-либо будет предлагать специалисту по персидским языкам перевод с языка тюркского, получалось с трудом.

Но тут Зоя подумала о толстой тетради, лежащей у нее в шкафу — конспекты факультатива «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков».

Это, конечно, может быть и узбекский. А если документ старый, то и вообще любой другой язык.

— Скажите, а какого года эти записи? — тихо спросила она, аккуратно пролистывая страницу за страницей.

— Ваша задача — перевести текст. Все. — Голос заказчицы теперь звучал грубо, и Зоя не понимала, действительно ли она со своими расспросами была излишне настойчива, или ее возможный работодатель — человек со специфическим характером. Очень захотелось встать, отказаться и уйти. Но...

Три недели назад Зоя получила диплом. Уже почти два месяца как она оставила старую подработку в кафе и жила лишь на свои накопления, которые, несмотря на все ее ухищрения и рачительность, неумолимо таяли.

И тут в группе с вакансиями появилось такое предложение — переводчик с таджикского. Зоя была первой, кто откликнулся — и в мечтах сразу появилось длинное резюме, полное ее блестящих переводов, командировки...

Да, ей очень хотелось поработать по специальности, и да — ей не достались ни яркая внешность, ни острый язык, ни физическая ловкость, но одним талантом она не была обделена точно. Языки Зоя учила быстро, ловко щелкая орешки новых слов и грамматических структур.

Она услышала раздраженный резкий вздох и нервический перестук каблучков.

— Да, я попробую.

Взгляд владелицы агентства резанул ее, и Зое стало неудобно за то, что она, по сути, обманывает, ведь языка-то она не знает, но...

— Хорошо. — Выплюнула владелица агентства, — мой секретарь сделает вам копию первых трех страниц, завтра вечером жду перевод, если справитесь — получите пять тысяч как аванс и будете переводить дальше. Устраивает?

Зоя кивнула. Светлана Дмитриевна нажала кнопку на стоящем перед ней телефоне, и к ним, сверкая коротким платьем и высокими каблучками, вошла ее секретарь, чтобы еще через минуту вернуться с ксерокопией трех страниц.

Под колким и холодным взглядом своего потенциального?.. действующего?.. работодателя Зоя суетливо и неаккуратно сложила листки и убрала в тонкий холщовый рюкзак, который все это время лежал бесформенным кулком у нее на коленях.

— Жду завтра в пять, — отрезала Светлана Дмитриевна и, взяв со стола несколько бумаг, сразу углубилась в них. На Зою она больше не смотрела.

— До свидания, — выдавила та, на что получила отвлеченный кивок.

Зоя вышла из кабинета, прошла через приемную и небольшой опен-спейс на десяток столов (занята была только половина), а потом спустилась по мраморной лестнице к выходу, пройдя мимо пустующей стойки охранника.

Дом, в котором располагалось агентство, находился в самом центре Москвы, недалеко от Министерства иностранных дел, и представлял собой псевдоисторический особняк, какие в приличном количестве росли в столице в 90-е. Любому, кто хотя бы немного разбирался в архитектуре, при взгляде на это двухэтажное строение становилось понятно, что здание не имеет никакого отношения к какой-либо исторической застройке. От дома так и пахло недавним прошлым, лихими деньгами, лучшими временами и вседозволенностью.

Ощущение лучших времен, которые уже прошли, исходило и от самого переводческого агентства. То ли отсутствие охранника, то ли пустующие столы — но что-то создавало ощущение, что раньше дела у Светланы Дмитриевны шли бойче.

Тем не менее в рюкзаке у Зои лежали три страницы на перевод, и если она все сделает правильно, то получит немаленькую сумму денег, чтобы было в том числе кстати, потому что

мать уже с неделю вздыхает о том, как хочет Ленинградский торт, который, однако, никак не втискивался в их более чем скромный семейный бюджет.

Зоя огляделась. Можно было сесть на Смоленской, но день был удивительным для летней Москвы — солнечным, но не жарким; дышалось свободно, а асфальт и бетон не сжигали кислород своими раскаленными поверхностями.

Перейдя Садовое кольцо по подземному переходу, Зоя спустилась к берегу Москвы-реки. Прошла немного вдоль набережной, глядя на прогулочные кораблики, неспешно рассекающие воды. Скамеек не было, поэтому она села на бордюр. Он был уже достаточно нагрет солнцем, оттого никакого холода камня сквозь ткань джинс не чувствовалось.

По пути к реке Зоя успела купить в полуподвальном магазинчике бутылку кефира и свердловскую булочку. И теперь, рассматривая людей на проплывающих мимо корабликах, начала свою нехитрую, но долгожданную трапезу — утром дома она не нашла, чем можно было бы позавтракать.

Ей и правда следовало как можно скорее вернуться домой, чтобы оценить, насколько же сложной была задача на перевод, но Зоя позволила себе короткий момент безделья, безответственности и неизвестности. Текст может быть сложным, тогда она не преуспеет и провалится, и придется начинать поиски снова — но пока можно побыть в настоящем, где у нее были *перспективы*.

Правда, будь рядом Рома, он начал бы заставлять ее думать и спрашивать себя, было ли ей комфортно с той женщиной, владелицей агентства, понравилась ли Зое атмосфера компании, не была ли Светлана Дмитриевна *энергетическим вампиром*, но от голоса своего молодого человека девушка отмахнулась, причем буквально — махнула рукой впереди себя, как если бы Рома стоял рядом.

Светлана Дмитриевна ей ничуть не понравилась, но деньги и интересная работа ей сейчас нужны были больше, чем эмоциональная стабильность. Да и какая стабильность, когда ей не на что было докупить пояс и юбку для следующего бала?

Кстати о нем. Зоя убрала недоеденную половину булочки обратно в рюкзак, кефир закрыла и отставила в сторону, затем запустила пальцы в передний клапан рюкзака и вытащила несколько ярких значков.

Вздохнула и начала цеплять их обратно на ткань рюкзака. Рюкзак цвета асфальта жил с Зоей со старшей школы. Он безропотно взял на себя всю тяжесть университетских знаний и все увлечения своей хозяйки: яркие значки украшали его с того первого дня, как Зоя купила рюкзак на школьном развале в Олимпийском. Этот рюкзак был единственным постоянным источником ее самовыражения, но перед собеседованием Зоя отчего-то подумала, что изображенное на значках может создать чересчур легкомысленное впечатление о ней, и потому все сняла.

Возможно, это было предательством себя. Но Зое прежде всего нужно было браться за любую возможность. Поэтому, позволив себе еще несколько минут немного трусливого ничегонеделанья, она встала с бордюра, накинула рюкзак на плечи, взяла бутылку с кефиром в руку и пошла к мосту.

Через пятнадцать минут Зоя уже спускалась в метро на свою ветку. Сейчас, летом, на голубой было хорошо — не то, что зимой, когда вагоны из-за открытых путей и станций промораживались так, что Зое вечно недостаточно толстой куртке всегда ежилась от холода и забивалась в самый угол сидения, как будто это могло согреть.

До их с мамой квартиры от метро приходилось идти буквально пять-семь минут пешком (и десять минут от Горбушки, что по мнению Зои, было совсем уж прекрасно). Однако сама их многоэтажка была хиленькой хрущевкой с крошечной кухонькой и такими низкими потолками, что даже с ростом Зои почти можно было дотянуться до немного осыпающейся штука-

турки, и с двумя маленькими, но, к счастью, не смежными комнатками, расходившимися из узкого коридорчика.

Мать еще не пришла с работы. Очень кстати — сил делиться новостями у Зои совсем не было.

Она прошла в свою комнату, по привычке щелкнула замочком на ручке, запирая дверь, и кинула рюкзак на узкий диван-кровать, который в разложенном виде съедал почти все помещение. Напротив дивана стояла коричневая стенка, почти вся сплошь забитая книгами. У окна — обычный стол с компьютером и стопкой тетрадей рядом.

Зоя подошла к стенке, открыла полку с учебниками и словарями и со второго ряда книг вытащила толстенький том учебника по киргизскому, а затем на другой полке нашла свои записи с курса по грамматике тюркских языков. Свалила все на стол, взяла листы, которые ей отсканировали в агентстве. Сходила на кухню, сделала себе крепкий черный чай с сахаром, вернулась за стол.

Прежде, чем начать работать, она открыла верхний ящик стола — единственный, который закрывался на ключ, и достала фото отца в рамке, поставив его около монитора.

Зоя всегда убирала фотографию, когда уходила из дома, и всегда доставала, когда возвращалась. Мать знала, конечно, что ее дочь держит снимок отца на столе, но Зое все равно не хотелось, чтобы ее родители в ее отсутствие встречались даже так. Мать бы начала охать и чесаться.

Интересно, где отец сейчас? Зоя ничего не слышала о нем с начала мая. В Пермском крае много далеких мест без какой-либо мобильной связи — она не помнила, как точно называется та глухомань, куда отец поехал с экспедицией в этом году.

Зоя качнула головой, прогоняя настырную прядь, упавшую из хвоста ей на лоб, и склонилась над бумагами, с наслаждением делая большой глоток и чувствуя, как по языку растекается контрастный вкус сладкого и горького.

Чутье не обмануло. Записи из дневника были и вправду на киргизском. При этом интуитивно Зоя понимала, что текст написан давно — от предложений так и тянуло старомодностью.

Она начала выписывать перевод на отдельный листочек, поминутно сверяясь со словарем — непонятных слов было очень много. Да и текст сам по себе не был простым — поначалу никак не удавалось понять смысл того, что же там вообще написано.

Потом Зоя сообразила, что тетрадь, видимо, просто продолжает какую-то другую — запись начиналась словно из ниоткуда, хотя ей точно отсканировали первые страницы.

И, судя по всему, это не был и дневник в чистом виде.

...краски — это счастье, подобное тому, как обладать пищей в собственном желудке. Отец требует, чтобы я говорил по-русски и не ходил в студию, но мне немыслимы такие жертвы.

Бочонок дней наполнился сельдями смысла. Как жаль талант! Но зачем писали дыр бул щыл?

Мне достали Кристи. Интересно, как всегда.

Записи шли плотно, но не были никак связаны друг с другом. И Зоя не знала, винить ли ей собственное незнание языка, или же стиль автора, но ей казалось, как будто и для того, кто вел дневник, выбранный им язык не был родным. И эти странные окололитературные аллюзии... Автор вспомнил футуристов?

Зоя методично выписывала строчку за строчкой. Почти полностью три страницы состояли из таких заметок — без конкретных деталей и дат. Единственным, что хоть как-то было похоже на дневниковые записи, был текст в начале третьей страницы.

Павел Геннадьевич рассказал сегодня о работе и о Пикассо. Мариночка была счастлива, что он окончательно поправился. Такие вечера заставляют чувствовать себя живым. Не знаю, как бы жил я без студии.

Прошло несколько часов, прежде чем она закончила перевод. Потом Зоя быстро, слепой печатью, которой она хорошо владела, вбила текст в вордовский файл. Скинула на флешку, бросила флешку в рюкзак, убрала отцовское фото в стол, заперла ящик, а после — ушла из дома, чтобы зайти в районную библиотеку и распечатать файл: дома принтера не было. Немного жаль денег, можно было попросить сделать распечатку в самом агентстве, но Зое показалось, что это несолидно.

После Зоя решила не возвращаться домой. Она позвонила Ане, которая оказалась у себя, и зашла к ней домой, где следующие два часа они смотрели запись нового концерта «Мельницы».

Домой Зоя вернулась уже ночью и с порога услышала из материнской комнаты храп. Она с чувством облегчения прошла к себе в комнату, разделась и легла спать.

Утром они с матерью все же столкнулись на крошечной пятиметровой кухне. Валерия Ивановна сделала яичницу на два яйца — половина себе, половина Зое. Зоя поджарила хлеб. Чай во френч-прессе стоял заваренным со вчерашнего дня. Солнце било сквозь прозрачный тюль и подсвечивало лица матери и дочери, которые молча сидели за маленьким, накрытым клеенкой столом. Разговор был кратким: мать спросила, во сколько Зоя будет дома, та расплывчато ответила, сделав громкий глоток из чашки, чем вызвала на лице матери гримасу явного отторжения, но никаких замечаний та не сделала.

К агентству Зоя подошла без десяти пять. Дверь на первом этаже была открыта, место охранника все так же пустовало. В рабочем опен-спейсе в этот раз сидело чуть больше сотрудников. Все они были девушками, и каждая не преминула кинуть на Зою оценивающий и вопрошительный взгляд.

Тут из приемной вышла секретарь и, заметив Зою, нахмурилась. Та, в свою очередь, быстро скинула с плеча рюкзак (значки опять были убраны) и достала распечатанный перевод.

— Светлана Дмитриевна просила зайти в пять, — объяснила она.

— Эм. Да. Спасибо, — секретарь забрала бумаги, немного поколебалась, а затем кивнула на дверь приемной, — проходите, Светлана Дмитриевна вас... вызовет.

Зоя кивнула, зашла в приемную и теперь уже сама едва удержалась от того, чтобы не нахмуриться.

На диване для посетителей уже дожидались приема другие люди. По всей видимости, владелица агентства или ее секретарь напутали с расписанием. Впрочем, могло быть и так, что Зое и не собирались уделять время, или...

— Присаживайтесь, пожалуйста, — секретарь кивнула на одно из кресел у противоположной стены.

Зоя опустилась в кресло и бросила как можно более мимолетный — чтобы не подумали, будто она пялится — взгляд на посетителей на диване напротив.

Но не пялиться было сложно.

Диван занимали три настолько — почти до комичного — разных человека, словно их подбирали на каком-то специальном кастинге.

Справа сидела неопределенного возраста девушка в обтягивающих джинсах, кроссовках и в до скандальности открытой майке, которая едва скрывала два идеально ровных полукруга крупной груди. Девушка смотрела, не отрываясь, в телефон, но, несмотря на то, что лицо ее было опущено, Зоя все равно прекрасно видела пухлые губы, форма и объем которых были отдельно выделены карандашом и помадой и намекали на весьма умелые руки пластического хирурга.

Слева, в абсолютно зеркальной позе, сидел мужчина лет сорока – сорока пяти на вид — крупный, широкоплечий и полностью лысый. Когда мужчина шевелил рукой, передвигая палец по экрану, под плотным хлопком белой рубашки ходили мускулы. Черты его лица были самыми

простыми и незапоминающимися. Он напоминал вышибалу в клубе — этакий вывернет тебе руку, выкинет на улицу, а ты даже и не запомнишь, как этот громила выглядит.

А вот когда Зоя посмотрела на третьего, того, кто сидел в центре дивана, она все же не смогла пересилить себя — не смогла отвести взгляд сразу, задержалась на несколько мгновений.

Перед ней сидел мужчина удивительной красоты — возможно, самый красивый человек из всех, кого Зоя когда-либо встречала. С темными волосами, большими карими глазами, тонкими губами, правильным, идеального размера и формы, носом — он был как будто слеплен из другого, не такого, как остальные люди, материала. Точнее Зоя никак не могла себе описать те странные эмоции, что он вызвал в ней, и даже немного из-за этого на себя же и рассердилась — и смотрит, и не может понять, почему смотрит! И он явно все заметил!..

Мужчина — по виду ему было лет тридцать — улыбнулся ей, спокойно и приветливо, как будто был чрезвычайно рад тому, что его рассматривают.

Он словно немного поколебался, но затем приложил руку к груди, чуть опустил голову и представился:

— Тимур.

Зоя подавила порыв отвернуться и смущенно хихикнуть. Каким-то непонятным для нее образом то, что этот незнакомец решил заговорить с ней, вдруг заставило ее почувствовать себя особенной и важной. В Зое было достаточно самоконтроля, чтобы осознавать свои чувства, но в то же время — недостаточно, чтобы до конца собой управлять.

Да и голос у мужчины был сокрушительно хорош — молодой, тягучий, бархатный, отдающий мурчанием большой кошки.

Молчание затянулось, и она поняла, что ничего не ответила.

— Зоя, — наконец представилась она в ответ.

Тут она услышала цоканье и увидела, как пышногрудая девушка ткнула своего красивого соседа локтем в бок.

— У нас Сити через час, — раздраженно бросила она.

— Успеем, — раздался с другого конца дивана негромкий голос лысого.

Новый знакомый Зои быстро оглядел своих спутников и улыбнулся как будто рассеянно. Вдруг он начал отстукивать ногами какой-то ритм, его колени стали чуть подпрыгивать. Затем он покачал головой, вздохнул, замер и потянул руку в карман.

Зоя хотела бы не смотреть, но теперь уже именно это выглядело бы невежливым и демонстративным.

Мужчина что-то выложил на стол, взмахнул рукой. В свете лампы блеснуло на тонком пальце правой руки обручальное кольцо. Почему-то кольцо это удивило Зою.

Послышался легкий бумажный стук, и девушка поняла, что из кармана Тимур достал колоду карт. Он быстрым, уверенным движением привел ее в порядок, последовательно ударив каждой стороной о чайный столик, который стоял перед диваном, а затем начал перемешивать колоду.

Что ж, а вот это выглядело немного странным.

Но не настолько странным, как то, что мужчина стал, через несколько секунд, выкладывать карты перед собой рубашкой вверх и собирать обратно в колоду, раз за разом. Потом, оставив перед собой одну-единственную карту, он замер и долго буравил ее взглядом. Секунда — и мужчина перевернул карту, затем опять улыбнулся и посмотрел на Зою.

Женщина рядом с ним едва слышно застонала и прикрыла глаза ладонью.

— Смотрите, «Четверка ангелов», — мужчина показал Зое карту, и та поняла, что это Таро.

Отлично. Привлекательный мужчина оказался слегка... эксцентричным (или даже безумным, первым словом, которое возникло в голове у Зои, было «безумие»). Смотреть на его красоту стало немного легче.

— Мурка... — тихо, почти шепотом, протянула своему соседу грудастая, лицо ее при этом скорчилось в угрожающе-усталую гримасу.

Тот только улыбнулся, в который раз за те недолгие минуты, что они сидели в одной комнате. Лысый продолжал смотреть в телефон.

— Вы не подумайте, я не... — Тимур снова обратился к Зое, по-прежнему держа карту в руках, но договорить он не успел. Из кабинета вышла секретарь, бросила на Зою отчего-то сердитый взгляд, который сразу же смягчился, стоило ему обратиться на Тимура и его сопровождающих.

— Пройдите к директору, — приказала секретарь Зое таким голосом, словно та совершила какую-то непоправимую для всего агентства ошибку, — Тимур Айдарович, еще буквально минуточка! Принести вам и вашим коллегам что-нибудь?

А вот это секретарь уже, конечно же, проворковала ласково.

Захотел ли Тимур Айдарович и его коллеги чего-либо или нет — Зоя не узнала, она зашла в кабинет и увидела Светлану Дмитриевну, сидящую за своим столом.

— Вы перевели? — бросила та без приветствий, даже не предложив сесть.

— Да, — немного обескураженная, кивнула Зоя, — я отдала...

— Ах да... — женщина начала копаться в неаккуратной гряде бумаг у себя на столе, — вот оно... хорошо... ладно...

Светлана Дмитриевна открыла ящик стола, вытащила ярко-красный портмоне с большим золотым лейблом и протянула через стол банкноту в пять тысяч рублей. Зоя почувствовала себя очень неловко, но, подчинившись жесту, вытянула ладонь и взяла деньги.

Затем Светлана Дмитриевна, двигаясь дерганно, как будто она и вполосину не управляла своим телом, вытащила из того же ящика тетрадь и громко позвала:

— Людочка! — и, когда секретарь вошла, отдала ей тетрадь, — отсканируй нашей... э-э-эм... отсканируй остальные страницы, аккуратно. Тетрадь верни. И позови ко мне, наконец, наших гостей.

Людочка кивнула Зое, приглашая проследовать за собой. В приемной секретарь с ластящейся вежливостью пригласила всю троицу войти. Зоя бросила мимолетный взгляд на вставшего первым Тимура. Тот улыбнулся ей и кивнул, как будто прощаясь. Она кивнула в ответ, подумав в тот момент, что видит их всех в первый и в последний раз.

Секретарь подвела ее к массивному офисному сканеру. Под монотонное тархтение Зоя принялась рассматривать помещение: в паре мест облупился потолок, коричневый ковролин пошел волнами, а у пустующих столов стояли сломанные стулья. Это все и вправду выглядело как остатки былой роскоши, но с другой стороны — если Зою оформят тут, будут платить деньги... А ведь она даже не спросила, сколько ей дадут за полный перевод!

Зоя мысленно обругала свою неопытность и решила, что завтра свяжется с агентством и все узнает. В этот момент секретарь дала ей в руки толстую пачку отсканированных страниц. Дневник она вынула из ксерокса и прижала к груди.

— Людочка! — позвала из дальнего угла одна из сотрудниц. Секретарь отвернулась от Зои и, стуча каблуками, пошла к позвавшей её девушке. При этом она как-то так неаккуратно махнула рукой, что чуть не выронила дневник.

На пол из дневника, медленно планируя, выпала фотография.

— У вас тут!.. Вы уронили! — тут же подорвалась Зоя.

— Киньте на мой стол! Спасибо! — секретарь махнула на один из столов, заставленный розовыми пушистыми рамками.

Зоя подняла упавшее фото. Кадр был черно-белым. Молодой человек на нем, по всей видимости, и был автором дневника — узкий разрез глаз, темные волосы, широкая и какая-то необычайно открытая улыбка. Юноша стоял на фоне стены, от пола до потолка увешанной картинами: пейзажи, портреты, натюрморты. Из любопытства Зоя перевернула фото и увидела, что там, уже по-русски, написана одна единственная фраза: «Посмотри на мои новинки».

Зоя подтолкнула фото под специальный коврик, защищающий поверхность от грязи. На ее очередной оклик Люда не отреагировала, и потому Зоя, испытывая легкое раздражение, решила оставить все как есть и вышла, предварительно убрав в рюкзак все отсканированные страницы.

Полная смутных и неприятных эмоций, она добралась до дома, переделала все дела и легла спать.

Разбудила ее вибрация телефона под подушкой.

Она с трудом разлепила глаза, вытащила телефон, посмотрела на часы. Пять утра! Номер был незнакомым.

— Але... — сипло ответила Зоя и стала искать глазами стакан с водой, который всегда ставила на пол рядом с диваном.

— Это я... — голос в трубке дрожал, — Светлана Дмитриевна. Вы брали у меня дневник на перевод. Я очень извиняюсь, но мне надо, чтобы вы вернули мне распечатки. Сегодня же. Во сколько вы сможете приехать?

— Что? — Зоя села, — сейчас же... метро даже не работает.

— Да-да. Давайте я вызову вам такси. Это срочно. Я в агентстве. Верните мне бумаги, прямо сейчас. Я заплачу, сколько вы хотите за ваш приезд? Это жизненно важно решить прямо сейчас. Хотя нет, лучше не на такси... Пожалуйста, первым поездом приезжайте. Я дам вам за это десять тысяч.

Зоя потеряла лицо.

— Да, хорошо, — отрезала она, наконец отогнав сон полностью, — я буду скоро.

Она чувствовала раздражение, но одновременно и облегчение. Воистину, ее первая работодательница оказалась странной женщиной, но лучше узнать об этом как можно раньше и отделаться как можно быстрее. Пихнет ей эти документы, возьмет свои деньги и вернется домой спать. Пусть так.

Зое удалось выскользнуть из дома незамеченной и успела на один из первых поездов, пополняя малочисленные ряды тех несчастных, едущих на работу в такую несусветную рань.

Выйдя на Смоленской, Зоя миновала Старый Арбат и ушла в переулки. Здание агентства как-то особенно сияло в предрассветной мгле. Дверь оказалась не заперта.

Она уже почти привычно поднялась наверх. Рабочие столы ожидаемо пустовали. Стояла такая тишина, как будто в помещении не было вообще ни души.

— Светлана Дмитриевна!

Ни звука не донеслось ей в ответ.

Зоя нахмурилась. Ведь ей точно назначали именно в агентстве. Это что, какая-то странная шутка?

Приемная была открыта, и Зоя толкнула дверь от себя...

...и в следующий момент тихо вскрикнула и прикрыла рот обеими руками. Что-то сжалось внутри нее, резануло стальными когтями прямо по внутренностям, на языке стало горько.

Через открытую настежь дверь в кабинет Светланы Дмитриевны было видно, что владельца агентства сидит в своем кресле. Голова ее, поддерживаемая подголовником, держалась почти прямо. Из маленькой красной дырочки на лбу текла струйка крови. Глаза женщины были открыты, а на лице застыло выражение то ли удивления, то ли любопытства.

Зоя резко отвернула голову, сглатывая, и тут уже вскрикнула во весь голос.

В рабочем кабинете, посреди столов, стояли двое мужчин — тот самый молодой красавец и его лысый спутник-бугай. В руках у них были пистолеты, и два черных дула были направлены прямо на Зою.

Глава 2. Про зайцев, котиков и вредные привычки

В ушах громко стучало, сердце от ужаса было готово выскочить из груди и убежать куда подальше. Руки и ноги не слушались, как и голос. Что-то надо было сказать, но Зое казалось, что она не может сейчас издавать членораздельные звуки.

Как получилось, что она не услышала приближение мужчин? Вероятно, шок от увиденного оглушил ее.

Два пистолета так и оставались нацеленными на нее. Несколько долгих, казавшихся бесконечными мгновений в помещении стояла тишина.

— Ты тут давно? — голос лысого прозвучал раскатом грома, хотя на самом деле он говорил очень тихо.

Зоя смогла лишь мотнуть головой, не сводя глаз с оружия.

Лысый медленно опустил пистолет.

— Я осмотрюсь, — сказал красавец-Тимур, и медленно, оглядываясь по сторонам и по-прежнему держа оружие наготове, вышел из кабинета.

Лысый смотрел на Зою напряженно.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— З-зоя... — протянула она невнятно, борясь с дрожащими губами.

— Зая?.. — Лысый непонимающе нахмурился и приподнял бровь.

— Зоя! — она вдруг рывкнула так, словно у ее голоса сломался динамик громкости.

Лысый подпрыгнул на месте и махнул рукой.

— Не ори. Тише!..

Зоя поняла, что эти двое полагали, что в помещении может все еще кто-то быть. Но не успела она испугаться, что могла выдать их своим вскриком, как на пороге снова возник Тимур.

— Пусто, — сказал он, неспешно шагнув внутрь, — ничего не трогай и старайся не делать лишних шагов в стороны.

Обращался он сейчас именно к Зое. По всей видимости, лысый и так знал, что именно надо и не надо делать. Оба они почти синхронно убрали пистолеты за спину, где под пиджаками, вероятно, висели кобуры.

— Я п-просто зашла. А она тут... — Зоя все еще запинаясь.

— Ясно. — Тимур кивнул, а затем, двигаясь как можно осторожнее, прошел мимо девушки к кабинету. Внутрь он не зашел, остановился на пороге и склонил голову к плечу, внимательно рассматривая тело в кресле.

— Видишь?.. — лысый поднес руку ко лбу, и Тимур кивнул ему.

Зоя поняла, что они разговаривают об отверстии от выстрела.

Отверстии в голове человека, с которым она еще сегодня утром разговаривала по телефону. Отверстии, которое сделало глаза этой женщины абсолютно пустыми, которое сделало ее мертвой, из которого текла кровь и...

— Витюш... — тихий возглас Тимура, обращенный пускай и не к ней, чуть развеял туман мыслей. Зоя поняла, что ее качает, а под локоть ее держит все тот же лысый бугай.

— Пойдем-ка вниз, — раздался голос около уха, и Зоя слабо кивнула.

Как они спустились она не помнила, очнулась только от яркого солнечного света, который бил ей в глаза. В голове гудело.

— Ну-ка, стой здесь. Никуда не уходи, даже не думай.

Спина теперь упиралась во что-то шершавое — она каким-то образом оказалась под невысоким раскидистым деревом около входа в агентство.

— Вот, зая, держи.

Перед ее лицом оказалась шуршащая полураскрытая плитка «Аленки».

— Зоя, — тише чем в первый раз, поправила она.

— Виноват. — Лысый стоял прямо напротив нее и всматривался в ее лицо, видимо, пытаясь понять ее состояние.

Интересный оттенок глаз, подумала вдруг Зоя — темно-синий. Она никогда такого не встречала.

— Ты поешь, — начал увещевать он, — полегче будет. Ну или блеванешь, конечно, но и то, кстати, впрок.

Зоя моргнула. Мир стал четче. Она заметила на противоположной стороне дороги ларек, откуда, видимо, и произошла шоколадка.

— Вот еще, — что-то блеснуло перед глазами. Бугай протянул ей серебристую плоскую фляжку, в какой обычно мужчины средних лет и определенного образа жизни носят крепкий алкоголь. Что ж, немного выпить, наверное, и правда могло помочь.

Зоя осторожно откусила от шоколадки и взяла фляжку. Она ожидала знакомую кусающую горечь виски или хотя бы коньяка, но вместо этого почувствовала терпкость черного чая с легкой сахарной ноткой. Точь-в-точь как она делала себе сама, только этот чай был холодным.

Она с удивлением посмотрела на лысого.

— Ну прости, я за рулем, — хмыкнул он, пожав плечами, а затем достал из заднего кармана брюк пачку сигарет с воткнутой внутрь зажигалкой. — Будешь?

Зоя покачала головой — она курила очень редко. Лысый пожал плечами снова, пихнул сигарету в угол рта и небрежно закурил, чиркнув зажигалкой.

— Правильно, — он выпустил струйку дыма в воздух в сторону от Зои, — вот Тим не курит и бегаёт два раза в день, и смотри какая жердь. А я курю и бегаю один раз, и смотри какой жирный.

Зоя уставилась на него, не зная, что и отвечать. Бугай на ее молчание вдруг отвел взгляд и неловко переступил ногами. Он, кажется, смутился. Наверное, он пытался пошутить, чтобы отвлечь ее. Присмотревшись к его лицу повнимательнее, Зоя поняла, что он, на самом деле, куда моложе, чем ей показалось на первый взгляд.

— Виктор. Витя. Я. Эм. Витя, — кашлянул он.

— Ясно, — ответила она тихо, испытывая, в свою очередь, неловкость от того, что заставила другого человека почувствовать смущение, и тут зачем-то сказала, — а я Зоя.

Какая дурость, она ведь уже представилась!

— Помню, да. Зая. Боги... Зоя. З-о-я. Никаких зай.

Витя отвернулся и стал суетливо затягиваться, разглядывая листву на дереве.

Зоя предпочла продолжить есть, чтобы ничего не отвечать. Она откусила от шоколадки и сделала еще глоток чая, и в этот момент из здания быстро вышел Тимур.

— Они скоро будут, — сказал он сразу же.

— Новые уже? — Витя, в свою очередь, с явной радостью отвлекся на дела.

— Да, утром заступили. Пупсик приедет, он на дежурстве сегодня.

— Хорошо. Он толковый, — Витя кивнул.

— Тебе придется дожидаться, пока приедет наряд полиции, — Тимур обратился к Зое, называя милиционеров уже на новый манер, что было для ее уха непривычно.

— А ч-что они б-будут делать? — спросила она, чувствуя, что мир опять начинает качаться.

Она, конечно, прекрасно знала, что ни в чем не виновата, но сама по себе ситуация оказалась для нее крайне пугающей. Она никогда не вызывала полицию и боялась теперь сказать или сделать что-то не то. А вдруг они решат, что она как-то в чем-то замешана?..

— Следак осмотрит место, криминалисты начнут работать, собачки понюхают, туда-сюда, — раздался тихий голос Вити. — Нас допросят, скорее всего в участке, все запишут. Примерно так.

— Что ты думаешь?.. — Тимур поднял руку, чтобы привлечь внимание напарника, а потом показал пальцем на дома, которые стояли около агентства. Все, как один, были выше этого псевдоисторического особняка.

Витя сузил глаза и снова затаился.

— Да, я тоже про это подумал. Ты нашел?..

— Не-а, — Тимур покачал головой. — Но форточка была открыта.

Тут у особняка, с характерным воем шин, затормозила машина с мигалками. С переднего пассажирского сидения тут же выскочил невысокий, но ладно сложенный мужчина — такой же лысый, как и Витя. Его лицо напоминало советскую игрушку для самых маленьких, и Зоя тут же поняла странное прозвище «Пупсик».

Он энергично поздоровался сначала с Тимуром, затем с Витей за руку, а потом сузил глаза и посмотрел на Зою.

— Это ваша новая?.. Нет? А кто тогда? Девочка, ты совершеннолетняя?

Зоя оторопела.

— Она была тут, Стас, — начал рассказывать Тимур, — как я и сказал в отделении по телефону: мы пришли чуть позже, обнаружили тело почти одновременно.

— Хорошо, — полицейский посмотрел на Зою еще раз, а потом стал раздавать команды остальным сотрудникам, которые уже вылезли из автомобиля и подходили к особняку.

Потом Стас опять заговорил с Тимуром и Витей, не обращая почти никакого внимания на Зою.

— И что думаете? И вы-то как с убитой связаны?

— Работа, — Тимур пожал плечами и рассеяно улыбнулся, — как еще.

— Она аванс не заплатила, — раздался вздох Вити, который отходил к урне, чтобы выкинуть окурки.

— Сонька вас прибьет, — хохотнул Стас, а Тимур поежился с настолько видимым страхом на лице, что Зоя была уверена в его искренности.

— Прибьет — план перевыполните, — негромко протянул Витя, безо всякой, правда, улыбки на лице, — так что, тут тебе все рассказать, или в отделении запишете?

Стас вздохнул, пригладил лысую макушку, а потом внимательно посмотрел на Зою.

— Прошу простить, гражданочка, а все-таки вам?..

— Мне двадцать два, — резко ответила Зоя.

Полицейский вздохнул.

— Тим, вы не скатаетесь? Ну, без мигалочек, спокойно? Вы на колесах?

— Угу, — кивнул Витя, — за углом моя.

— Хорошо, — Тимур тоже кивнул полицейскому и посмотрел на Зою, — нам с тобой придется проехать в отделение и дать показания оперуполномоченному. Мы расскажем все, что видели, он все запишет. Дальше посмотрим. Мы довезем тебя, если ты не возражаешь.

Зоя подумала, что и выбора, на самом деле, у нее никакого нет. Оставалось только кивнуть и пойти за своими новыми знакомыми.

За углом, немного кособочно, так, чтобы поместиться, оказалась припаркована большая белая машина, которая своими размерами и формой напомнила Зое бегемота. Витя достал ключи и протиснулся к водительскому месту, обтирая пиджаком двери соседних автомобилей. Тимур заботливо открыл перед Зоей дверь второго ряда, а сам заскочил на переднее сиденье.

Светлый салон машины и приятно пах чистотой, без примесей ароматизаторов, которыми грешили многие водители. Послышались два щелчка — оба мужчины пристегнулись. Витя потянулся оглянуться на Зою:

— И ты пристегнись, пожалуйста, — негромко попросил он.

Зоя снова подумала о том, что Витя каким-то непостижимым образом похож и на сорокалетнего, и на двадцатилетнего одновременно. Грубые черты лица плохо вязались с открытым,

почти беззащитным взглядом синих глаз. Впечатление, впрочем, довольно быстро развеялось, стоило только Вите уверенным хватом взяться за переключение передач, завести машину и ловко вырулить с парковочного места, не задев соседние автомобили.

Отделение располагалось на другой стороне Садового, в небольшом хлипком деревянном домике — подлинной исторической застройке, не чета той подделке, где располагалось агентство.

Внутри стоял тот непередаваемый запах вечной сырости, присущий старым домам. Пол ходил ходуном. По коридору быстрым шагом передвигались мужчины и женщины в форме. На ее спутников бросали взгляды, кто-то здоровался, но, в целом, своим появлением они не вызвали никакого удивления.

Тимур остановился у двери с табличкой «Дежурный оперуполномоченный» и постучался. Раздался громкий приглашающий возглас, и они зашли внутрь.

В помещении с темно-зелеными стенами, какие бывают только в присутственных местах такого толка, стояло два разноформатных стола. За одним сидела женщина лет сорока с выкрашенными в ярко-красный цвет волосами. Острые ноготки стучали по клавиатуре допотопного компьютера.

— Здравствуй, Анжела, — почти хором сказали спутники Зои.

— Паша, а что ты тут? — это уже спросил только Тимур, смотря на мужчину в форме, который сидел за столом напротив красноволосой женщины.

— А что я... — пробормотал полицейский, — Лешка должен был заступить, да вот представьте, уже вышел из дома и скрутило. Скорая и больничка, аппендицит... Через час Володька приедет, но пока придется тянуть. Да ничего, ничего, я все запишу... — он громко зевнул, с чавканьем закрывая затем рот. Выглядел он изможденным и осунувшимся.

Окружающая обстановка всколыхнула те воспоминания, от которых Зоя успешно убегала все это время: кабинет, кресло и мертвая женщина в нем. Она слотнула, зажмурилась на секунду и заставила себя не думать о том, что меньше часа назад впервые в жизни увидела убитого человека.

Полицейский грузно вздохнул, обвел своих посетителей тяжелым взглядом красных от недосыпа глаз, остановился на Вите.

— Давай покурим, а? — протянул он, а потом перевел взгляд на свою коллегу, — Анжел, прости, молю, иначе гибель. Гражданочка, вы не против?

Последнюю фразу он обратил уже к Зое, одновременно доставая пачку сигарет из ящика стола. Раздалось невнятное ворчание, женщина-полицейский вышла, громко хлопнув дверью.

Витя подошел к окну, дернул вниз за шнурок, который открывал форточку, и пристроился на подоконнике. Жалобно скрипнул потресканный пластик.

— Виноват, — пробормотал Витя и постарался сесть так, чтобы не скрипело. Он достал сигарету, зажигалку и уже через пару мгновений затянулся и выпустил дым наверх с явным удовольствием на лице.

Полицейский за столом дымил уже вовсю, стараясь выдыхать в сторону от посетителей.

— Вот это я понимаю, — с огромным облегчением в голосе протянул он, потом снова посмотрел на Зою, — Павел Павлович Зеленчук, дежурный оперуполномоченный отделения внутренних дел. Садитесь. Зачитать ваши права и обязанности?

Зоя слотнула и села перед столом на небольшой, с выщербинками, деревянный стул.

Витя хмыкнул с подоконника, продолжая курить. Тимур в это время ходил по комнате из угла в угол. Зоя полуобернулась к нему — он что-то говорил себе под нос, то сжимая, то разжимая кулаки.

— Тимур, сядь, твою ж разэтакую! — рявкнул полицейский, и Зоя подпрыгнула на стуле.

Раздался вздох, и Тимур упал на стул рядом, доставая из кармана пиджака колоду карт.

Он отодвинул в сторону несколько папок на столе, освобождая пространство, а затем летящими движениями принялся выкладывать и снова убирать карты, переворачивать их то рубашкой, то лицом, и снова и снова по кругу.

Поведение Тимура, казалось, не удивляло никого, кроме нее. Полицейский даже и не смотрел на карты, как будто удовлетворившись тем, что его посетитель наконец сидит, а не ходит по комнате.

— Ну так? — он посмотрел на Зою, достал лист бумаги и ручку. — Внимательно вас слушаю. Вас зовут...

— Зоя. А ч-что мне надо сделать?

— Просто расскажи про все, что случилось, — раздался с подоконника негромкий голос Вити.

Она сглотнула, собралась с силами и рассказала все, что могла: о том, что искала работу, что увидела вакансию от Светланы Дмитриевны, что взялась за перевод, что владелица агентства позвонила ей рано утром сегодня и попросила принести копию дневника с собой.

— У вас с собой эта копия? — спросил полицейский, кидая окурок в собственную же чашку.

Зоя едва не поморщилась, потом кивнула, раскрыла рюкзак и достала бумаги. Тимур все это время продолжал молча метать карты по столу, но Зоя была уверена — он, как и сидящий на подоконнике Витя, внимательно слушал ее рассказ.

— Я заберу это на время следствия, — сказал полицейский, забирая у нее распечатку дневника.

— Это вещественные доказательства? — Зоя нашла в памяти слово, которое ассоциировалось у нее с расследованиями.

— Хер его знает, — без обиняков признался оперуполномоченный. — У вас что, Тим? И что картишки говорят?

— Откуда я знаю, что они говорят. Я же тебе не гадалка. — Тимур разложил перед собой три карты, перевернул их и стал внимательно всматриваться, противореча сказанным только что словам.

— Карачаева, Светлана Дмитриевна, — раздался голос Вити, — обратилась к нам несколько дней назад. Говорила, что ей поступают анонимные угрозы, попросила разобраться от кого.

— Угрозы? И почему она не обратилась к нам?

— Не поверишь, мы спросили то же самое, — задумчиво сказал Тимур, складывающий теперь карты в стопку. — Софья Павловна вообще сказала слать ее куда подальше, клиентка ей совсем не понравилась.

— Сонька чует, — ухмыльнулся полицейский.

— Угу, — раздался вздох с подоконника, — но мы все же решили поболтать, разузнать что да как. И вот звонит эта Светлана Дмитриевна сегодня утром, воеет в трубку, чтобы мы приехали, — Витя продолжил рассказ, — Тим ей сразу сказал, что если там что-то серьезное, то пусть полиции и звонит, но, как видишь, результат налицо.

— Но вы все-таки подорвались и приехали? — оперуполномоченный приподнял брови.

Неужели, подумала Зоя, он и их в чем-то подозревал? И чем же занимаются ее знакомые? Охранное агентство? Частные детективы?

— Ну да, — Тимур кивнул и забарабанил пальцами по столу, — интересно же!

— Вечно вам интересно, а потом у нас трупы, — скривился полицейский, что-то дописывая.

Потом он протянул Зое заполненный формуляр, попросил проверить, все ли он записал и верно ли, написать свое полное имя и контактный телефон.

— Вы, гражданочка Зоя, свободны, — сказал он, — а с вами я бы еще потолковал.

Зоя прижала к себе рюкзак. Она отчетливо ощутила себя ребенком, которого взрослые выставляют из комнаты, чтобы обсудить серьезные вопросы.

— Я... эм... я просто могу идти? — неуверенно спросила она.

— Ну да, если вы и вправду нам все рассказали. Мы вам позвоним, если какие-то еще вопросы будут.

— Хорошо, — Зоя кивнула, вставая, но тут же встрепенулся и Тимур.

— А то ты нас подожди, — он широко ей улыбнулся, — мы тут поболтаем, а потом поедем к нам в офис, у нас и кофе есть.

Витя, который почти докурив сигарету, отчего-то закашлялся. Зоя повернулась к нему и увидела, что тот покраснел.

— З-зачем? — Зоя недоумевающе посмотрела на Тимура.

— Да просто, — Тот улыбался широко и беззаботно.

Ей было и любопытно, но и, одновременно, странно и неуютно. Чувство самосохранения говорило, что надо уходить, потому она покачала головой и встала.

— Благодарю, но я пойду.

— Может, хоть до метро подкинуть? — предложил тихо Витя.

— Нет, спасибо, я доберусь пешком.

— Тогда до свидания, — мягко сказал Тимур, и в этом «до свидания» Зоя услышала несколько напугавшее ее обещание новой встречи.

Оперуполномоченный не сказал ничего, Витя уперся взглядом куда-то в пол. Зоя только пожала плечами и вышла из кабинета.

Она с облегчением выдохнула, оказавшись на улице. Несмотря на довольно ранний час, солнце уже начало припекать — день обещал быть жарким. Все, что случилось и в агентстве, и в отделении, показалось вдруг Зое случившимся с кем-то другим, не с ней. Словно она только что вынырнула из странного миража, в котором все было зыбко и неправда, и реальный мир встречал ее, распахнув теплые объятия.

Она пошла к метро — опять к Киевской, повторяя частично тот же маршрут, что проделала в день, когда получила заказ.

За время, прошедшее с того момента, она успела заработать немного денег, перевести немного текста, увидеть убитого человека и познакомиться с очень странными людьми.

Кем были эти двое? И да, еще та девушка с ними, которую постоянно упоминали все вокруг, Соня — по всей видимости, та с грудью, сидевшая вместе с ними в приемной. Чем занимались эти люди, отчего их так хорошо и спокойно принимали в участке? Может быть и вправду, это частные детективы? Тогда она и вовсе попала в какую-то почти литературную историю. Впрочем, попала — не совсем верное слово. Ведь «попадают» только в книгах, она же просто рассказала все, что знает, и все. С ней распрощались. Если от нее не потребуется больше никаких показаний, то про случившееся она может забыть.

Было ли ей интересно узнать, что произошло? Да, конечно. Стоило, наверное, последить за новостями. Где обычно сообщают о расследованиях и их завершении?

Едва ли она будет ли она рассказывать родителям или Роме о том, что случилось.

Дома оказалась, когда мать уже ушла. Чтобы отвлечься, Зоя включила компьютер. Открыла, чтобы рутинно проверить электронную почту и поняла, что у сегодняшнего дня еще есть чем ее взволновать.

Новое письмо, пришло всего каких-то полчаса назад. Оно было на английском, но это не составляло проблемы — на нем, как и на испанском, Зоя говорила и читала свободно.

Уважаемая мисс Степанова, с радостью сообщаем вам, что ваша заявка на грант рассмотрена и одобрена...

Сердце заколотилось. Этого просто не могло быть...

Просим сообщить нам актуальность вашей заявки на обучение. В случае положительного решения, просим ответить в течение тридцати дней и предоставить следующие документы для зачисления...

Письмо по гранту... Исследование современного фарси... Ее Мадрид!

Три месяца назад она отправила заявку в Мадрид. Ответа не было так долго, что Зоя и думать про это забыла. А теперь!.. Да, это был шанс, огромный, важный шанс. Ее давняя мечта — попасть на этот факультет! Начать жизнь в другой стране...

Ей не нужны эти тридцать дней — рука уже замерла над клавиатурой, чтобы напечатать согласие. Но сначала она все же решила выдохнуть и написала Роме. Он тут же набрал через Скайп.

Зоя приняла звонок и вот уже видела Рому во весь экран — красивое худое лицо с острым носом, короткие русые волосы, веснушки и легкий загар.

Они начали встречаться в конце первого курса и это были первые отношения Зои, не считая кратковременных, но «самых главных и это навсегда» влюбленностей в старшей школе. Сейчас среди общих друзей их отношения носили статус «проверенных временем». Их, очевидно, ждал следующий шаг — свадьба. Они пока не обсуждали это, и Зоя не представляла, как подступиться к этой теме. Но стоило ей начать про это думать — внутри становилось странно-скользко от какого-то неявного страха. Страх перемен, очевидно, и серьезного статуса. Она не знала, готова ли брать на себя такие обязательства, но как будто было очевидно, что если и брать — то с Ромой, ведь они так давно вместе и любят друг друга.

— Котик мой! — радостно заговорил Рома, сверкая улыбкой, — поздравляю тебя! И ты ведь помнишь про то место в Мадриде, которое я присмотрел для себя? Другая специальность, хочу в древность, родители уже сказали, что поддержат.

Она подумала, что это было очень заботливо и предусмотрительно с его стороны — сразу же организовать себе обучение рядом с ней. Все, кажется, складывалось самым наилучшим образом...

Они с Ромой обсудили его поездку — он с семьей отдыхал на Кипре, затем решили, куда отправятся, когда он вернется — летняя Москва, их друзья, музеи, парки и скорый бал!

Когда они попрощались, Зоя еще раз посмотрела на открытое на мониторе письмо с грантом и почувствовала резко накатившую усталость. Пора было спать. Ответит она потом. Завтра, может быть. Или через пару дней.

Не ответила Зоя ни в этот день, ни в следующий, ни через один. Она решила просто отдохнуть. Деньги у нее пока что были. Она сначала испытала странное чувство, когда достала из кошелька купюру от Светланы Дмитриевны, но потом рассудила, что лучше она их просто потратит — так и глаза мозолить не будет.

Так что она опять встретилась с Аней — ее лучшим спутником в любых моментах жизни — и они гуляли, болтали, присматривались к одежде для бала. Зоя ни словом не обмолвилась обо всем, что с ней случилось, никому.

Она боялась, что у нее начнутся кошмары, но этого не произошло. Казалось, ее разум просто отмел воспоминания об увиденном, как о чем-то невозможном в ее простой и понятной жизни. Хотела Зоя отнестись ко всему, как к точно и навсегда законченной истории, но что-то внутри нее не позволяло этого. Интуиция ли или что другое, но ей все равно казалось — что-то еще произойдет.

А потому, когда она на третий день после случившегося выглянула из окна, чтобы проверить, не идет ли дождь, она даже не удивилась тому, что увидела.

Из окна второго этажа хорошо просматривалась дорога и тротуар. Около их дома был припаркован черный автомобиль. Около него, прислонившись к двери и крайне артистично сложив руки на груди, стоял Тимур.

Зоя быстро прыгнула в кроссовки и вышла на улицу. При виде нее Тимур широко улыбнулся и помахал рукой с таким оживлением на лице, как будто встречал своего самого дорогого друга.

— Давно стоишь? — она приблизилась.

Тимур пожал плечами.

— С час, наверное. Но ведь эффектно получилось! Ты смотришь из окна, а там я...

— А если бы мои окна смотрели на другую сторону? — Зоя приподняла бровь, с трудом удерживаясь от улыбки.

— А я человек везучий, — Тимур подмигнул, оттолкнулся от машины и приблизился.

— И как ты нашел мой адрес?

Тимур хитро прищурился.

— В отделении, верно, — тут же поняла Зоя — И ты приехал, потому что...

Тимур так резко перешел к серьезному выражению лица и тону, что она опешила.

— В разных районах города совершено три ограбления квартир. Все перевернуто вверх дном, украдены несколько мелочей — драгоценности, мелкая техника. Все выглядит как обычное домошничество, только вот все эти квартиры объединяет то, что в них жили сотрудники переводческого агентства нашей незабвенной Светланы Дмитриевны.

— Кто-то что-то ищет?.. — спросила Зоя почти бездумно, ведь ответ и так был очевиден.

— Да, кто-то что-то ищет, — Тимур кивнул и посмотрел на нее внимательно, — и может случиться так, что искать он придет и к тебе.

Глава 3. В которой Зоя получает второе предложение о работе и, к сожалению, принимает и его

*Этот город соткан из цветов
Между берегов, садов, мостов
Девушка, застрявшая во времени
(Мельница, «Апельсиновая баллада»)*

Зоя испытала острую смесь эмоций: страх и накатывающая волной вина — ведь и мать сюда вмешают, вот она умудрилась вляпаться со своей этой работой! — а затем резкое чувство отстраненного, почти научного любопытства.

— Но я не была устроена туда на работу официально. Как они смогут меня найти? Только если владелица агентства делилась моим именем, вела какие-то записи...

Тимур улыбнулся так широко, словно только что услышал невероятно приятную и воодушевляющую новость.

— Правильно говоришь. И они не пришли к тебе сразу, значит — про тебя не знают.

— Или то, что случилось, не связано с тем документом, который я переводила.

— Не связано? То есть тебе утром звонят и говорят срочно привезти документ, а потом оказывается, что звонивший — труп, но это случайность?..

— Допустим, связано. Но у меня ничего нет. И знать про меня, как ты полагаешь, они не могут. Тогда зачем ты тут?

— Я не хочу, чтобы ты пострадала, — совершенно просто и спокойно ответил он.

Зоя сама сложила руки на груди, вторя Тимуру и этим жестом как будто отгораживаясь от него.

— Слушай, просто... поверь моей интуиции. Я чую проблемы. А ты попала в это дело случайно, и нам не очень-то приятно, что проблемы могут быть у того, кто ни в чем не виноват.

— Вам?.. А все же кто вы такие? Ты, твой друг...

— Витюша, — почти ласково протянул Тимур, — да, и Софья Павловна. Ты не против прокатиться со мной? Я все тебе расскажу по дороге, а потом и покажу.

Зоя с сомнением покосилась на машину. Ей было очень неловко от того, что ее подозрительность могли счесть излишней, однако...

— Я... как бы верно сказать... — замялась она.

Тимур опять улыбнулся, тепло, без какой-либо обиды.

— Я понимаю, конечно! — А потом прозвучал характерный звук закрытия дверей автомобиля. — Значит, мы едем на метро!

— Что? — опешила Зоя.

— Тебе ведь так будет спокойнее?

Тимур проверил, нормально ли запарковался, потом обернулся к Зое и опять просиял:

— Так спокойнее же?

Он похож на ребенка, подумала Зоя — на ребенка, которому постоянно, одну за одной, дарят игрушки.

— Позволишь? — вдруг он грациозно выставил локоть и по-позерски склонил голову, словно изображая галантного кавалера из девятнадцатого века. Все это могло бы сойти за шутовство, если бы Зоя интуитивно не понимала — перед ней человек крайне серьезный.

Зоя осторожно схватила локоть.

— Пойдем туда, — она кивнула головой на дома, — через дворы быстрее.

— Конечно, — Тимур улыбнулся, и они неспешно пошли к «Багратионовской».

— Так все же?.. — Зоя вернулась к своему вопросу, — вы...

— Мы — маленькое, почти семейное предприятие по решению разных сложных вопросов.

— Детективное агентство? — Зое почему-то захотелось обернуться вокруг, как будто кто-то мог их подслушивать. Глупость, конечно, потому что по дороге были лишь пустыри, детская площадка да скучающие полусонные дворовые выпивохи.

— Не совсем, и даже совсем нет, хотя и да. Оформлены мы как детективное агентство, верно. Но вот если ты Софье Павловне скажешь, что мы детективы, голову она тебе открутит тут же.

— Почему? — удивилась Зоя, у которой уже начало формироваться представление об упоминаемой женщине как о человеке, от которого стоит держаться подальше.

— Мы много чем занимаемся, — неопределенно протянул Тимур. Они были уже совсем близко к метро.

К удивлению Зои, у ее спутника даже был проездной. Почему-то Тимур ей казался человеком того сорта, что говорят протяжно «я уже и не помню, когда последний раз спускался в метро», намекая, что при наличии машины общественный транспорт им совсем без надобности. У самой же Зои пока что продолжала работать студенческая карточка.

— Ты ведь так и будешь кружить без ответов? — осмелела она, когда они зашли в пустой вагон метро и забились, стоя, в угол у прохода.

Тимур опять улыбнулся.

— Ну что ты. Никаких кружений. Все довольно просто.

Вагон качнуло, и Тимур сжал тонкими пальцами поручень. Блеск обручального кольца в который раз привлек внимание Зои.

— Если начинать издалека и описывать без деталей, то мой отец — довольно известный в определенных кругах и весьма богатый человек. У меня трое старших братьев, все как на подбор: умные, талантливые, выдающиеся каждый в своем деле, — Тимур смотрел большими темными глазами то на Зою, то на пробегающие за окном поезда виды. — Я же вышел абсолютно бестолковый.

Зоя и удивилась такой прямоте, которая немного походила на кокетство, но не улыбнуться не смогла.

— Отец пристроил меня в Бауманку, там я познакомился с Витей. После того, как я получил диплом, то отец не знал, что со мной делать. Я тоже не знал, что с собой делать, тут у нас с отцом была такая редкая для нас согласованность. А он у меня человек строгих принципов и бездельничья не любит. Поэтому он стал гонять меня по разным поручениям: с этим поговорить, с другим познакомиться. Так я и бегал. А потом у его друга случилась неприятность. И отец решил ему помочь и впряг меня разузнать и проверить кое-какие вещи. Там были всякие технические штуки, вот я тогда вспомнил про Витю и набрал ему. И как-то так удачно у нас с ним все вместе получилось: и друг отца в тюрьму не пошел, и нам понравилось что-то вместе делать, и тут же отец мне и другое дело подкинул... В общем, да, избалованный сын богатого отца получает хороший стартовый пинок, ничего нового.

Тимур улыбнулся и качнулся на перекладине, как очень довольная обезьянка.

— Так вот, мы с Витюшей стали брать заказы, то один, то второй. Разное, очень разное, но если пытаться описать это как-то общими словами, то выходит, что мы помогали там, где неясно, к кому обращаться, а проблему или вопрос решить надо. Агентство по решению необычных запросов. Мы не беремся абы за что... но вот твоя Светлана Дмитриевна... Права была Софья Павловна, не стоило и браться. Но нас так просили ей помочь... — лицо Тимура мгновенно переменялось и выражало искреннюю досаду, — теперь еще и отвечай, что клиента умерла...

— Она ведь вам не заплатила?... — Зоя вспомнила разговор Тимура и Вити.

— Ну, заплатила или нет — это мы между собой знаем, а слухам все равно. Нехорошо это. У нас или умирают до того, как мы приступаем, или не умирают, потому что мы приступили, в процессе все должны оставаться живыми.

Они доехали до кольцевой, пересели, вышли на одной из центральных станций. Зоя на выходе привычно окинула взглядом памятник поэту в начале бульвара, а потом пошла за Тимуром вниз по улице. Буквально через квартал они остановились напротив яркой краснокирпичной монастырской стены, прятнично украшенной белыми кирпичами.

Тимур уверенным шагом направился к немного приоткрытым въездным воротам в монастырь, Зоя последовала за ним, решив пока не задавать лишних вопросов.

В этом монастыре она еще не бывала. Во внутреннем дворе, густо засаженном яблонями, стояли три церкви, одна явно времен первых Романовых, вторая — восемнадцатого века, а третья, самая большая, выглядела как слоеный пирог — старый фундамент в основании и храм точно конца девятнадцатого века наверху, с прослойками и нахлестом всех эпох между этими веками.

Тимур поманил ее за собой, указывая на неприметную фанерную дверь в одно из помещений, которое располагалось в корпусах, окружавших двор. Зоя послушно зашла внутрь и оказалась внизу узкой кованой двухпролетной лестницы невероятной красоты.

Тимур уже взлетел по ступенькам, и Зоя последовала за ним, крутя головой и разглядывая детали. Они остановились около невысокой, обшитой деревом двери. Тимур дверь от себя и жестом то ли метрдотеля, то ли пытающегося усыпить бдительность карманника пригласил Зою пройти внутрь.

— Ничего не говори и ничего не бойся, — шепнул он в последний момент, и это, как ни удивительно, несколько не помогло Зое успокоиться.

Она оказалась в небольшом помещении со сводчатым потолком. Сразу при входе, по левую руку, стояли три пластиковых стула, а по правую руку — высокая ширма.

Комната освещалась через три окна с низкими, почти у пола подоконниками. Около каждого стояло по столу. Один — прямо напротив входа — пустовал, если не считать монитора и толстой, как-то почти торжественно лежащей в центре записной книжки. Второй стол, кроме компьютера, был целиком занят большим чертежом, концы которого свисали с краев чуть ли не до самого пола. А за третьим, где с техникой соседствовали несколько аккуратных стопок из папок, сидела полубоком, закинув ногу на ногу, Софья, одетая в тонкие, похожие скорее на леггинсы, леопардовые джинсы, объемную белую футболку и белые кеды. Волосы её, убранные наверх — но не в небрежный хвостик, как у Зои, а в красиво приподнятый, ловко повязанный хвост, — показывали не утреннюю торопливость, а тщательное внимание к своей внешности.

— Сядь туда пока, пожалуйста, — Тимур кивнул на средний стол, застеленный чертежом. Зоя боязливо прошла и села в офисное кресло, оказавшееся довольно удобным.

Тимур все так же стоял у входа в комнату. Зоя почувствовала за спиной движение, невольно обернулась и увидела, как Софья поджала губы, издала невнятное ругательство, потом что-то прошипела, схватила с подоконника красную лаковую сумочку и вскочила на ноги.

Однако выйти она не смогла.

— Софья Павловна, не казни дурака такого! — Тимур вдруг буквально упал перед ней на колени, загораживая проход, и приложил в молитвенном жесте руки к груди. Глаза его при этом блестели хитростью и весельем.

Софья остановилась, бросила через плечо яростный взгляд на Зою и повернулась к Тимуру.

— Я тебе сказала!.. Я не собираюсь и не буду в *этом* участвовать.

Она попробовала отшатнуться в сторону и пройти, но Тимур двинулся за ней на коленях.

— Свет очей наших, но кто мы без тебя?!

Кажется, Софье уже стало неудобно за балаган Тимура, но эффект точно был достигнут — она никуда не ушла. Вместо этого вскинула руку, схватила Тимура за ворот пиджака и одним сильным движением вздернула вверх с пола. Зоя увидела, как заиграл под рукавом футболки накаченный бицепс, и невольно сравнила со своими хилыми тонкими руками вечно сидящего сиднем студента.

— Мурка! — рывкнула Софья, тыкая острым ногтем прямо в грудь Тимура. Тот перехватил ее руку в свои ладони, а затем поднес к губам, оставляя на запястье поцелуй.

Софья опять зашипела и отшатнулась обратно.

— Дебил. — Она швырнула сумку на стол, раскидывая папки в разные стороны, — со следующего дела твой процент мне.

— Жестокая! — вздохнул Тимур и упал за тот стол, на котором лежала только записная книжка, — но хорошо. Зоя, это Софья Павл...

— Заткнись! — бросила та.

— Софья. Софья, просто Софья. А это Зоя, она...

— Я не тупая, я помню, кто это. — Софья начала что-то вбивать на клавиатуре и вглядываться в монитор так усиленно, что Зое показалось — это ради того, чтобы смотреть куда угодно, но только не на них. — От меня вам никакой инициативы. Хотите с Витей копать в этой хрени — копайтесь. Хотите возиться с этой... — Зоя поняла, что речь о ней, и вспыхнула, едва удерживаясь от того, чтобы не вскочить и не уйти, — ...возитесь. И зачем ты вообще ее сюда усадил?..

Неприятную сцену прервал звук открывающейся двери.

В помещение вошел, хмурясь и открывая рот, явно чтобы что-то сказать, Витя, однако он тут же замер, увидев Зою, а та, в свою очередь, только в этот момент поняла, что Тимур усадил ее за его стол, хотя в помещении были стулья для гостей.

Вид у новоприбывшего был сумрачным: усталость во взгляде, мешки под глазами, мятый пиджак и, как Зоя заметила со своего места — след женской помады на вороте белой рубашки, ближе к спине, так, что самому не увидеть, только если не вертеться перед зеркалом или пока кто другой не скажет. Видимо, никто и не сказал.

Эта примета женского внимания смутила Зою — не сам факт хорошей или, судя по кривости лица, средне хорошей ночи, а очередное нарушение границ: ей не особо хотелось знать такие детали о постороннем человеке.

Витя подошел к своему столу, а Зоя тут же начала вставать, чтобы уступить место. Она старалась не смотреть на испачканный ворот

— Нет-нет, сиди, — в тот же момент негромко заговорил он, махая руками, и оба они столкнулись в общем движении — одной от стола, другого к столу, чтобы потом дернуться в другую сторону, опять одновременно, и снова — чтобы в очередной раз не дать друг другу прохода.

Зоя поняла, что краснеет. Витя выглядел не менее раздосадованным, но точно не из-за нее — он бросал взгляды в сторону Тимура. Тот лишь пожал плечами, приподнял брови, а затем, внимательно смотря на Витю, быстро провел рукой по вороту своей рубашки. Витя нахмурился, не поняв намека. Зоя все так же стояла у его кресла и пройти не могла.

— Ну как там Ириночка? — раздался голос Софьи, которая переводила взгляд с Зои на Витю и обратно и задала вопрос как будто с каким-то умыслом.

В момент, когда ситуация, казалось, не могла стать более абсурдной, она все же стала — раздался осторожный стук, дверь опять приоткрылась и на пороге появился невысокий шуплый мужчина в монашеском одеянии.

— Отец Николай! Зоя, это наш отец Николай! — воскликнул со своего места Тимур, и она поняла, что от всего происходящего у нее начинает идти кругом голова. С другой стороны,

как раз в том, чтобы встретить в монастыре монаха, ничего странного не было, в отличие от всего остального, что происходило с ней в этот день.

— Рад познакомиться, — с улыбкой сказал священник.

У него были светлые, словно прозрачные, глаза, а на лице царила мирная благодетность, которая при этом сочеталась с выгнутыми в явном любопытстве бровями.

— Вы — новый сотрудник? Ребята, вы наконец кого-то нашли? — спросил он, продолжая улыбаться в аккуратную, темную, с едва заметной проседью, бороду, и это «ребята» прозвучало очень по-отечески.

— Надеюсь, отец Николай, очень надеюсь... — глубоко и крайне театрально вздохнул Тимур, а священник посмотрел в его сторону с лукавой веселостью во взгляде, нисколько, видимо, не купившись на дурашливость тона.

А вот Зое с каждой минутой становилось все неприятнее. С утра, у ее дома, Тимур вел себя доброжелательно и вежливо, а сейчас просто кинул в круговорот неведомой ей жизни и неведомых людей, так теперь еще и начинает говорить про работу.

— Расскажите? Я тут, на самом деле, за кофе зашел, если вы не возражаете.

— Никогда не возражаем, — в этот раз голос подал Витя.

Отец Николай внимательно посмотрел на него. Зоя увидела, как дрогнули его губы.

— Как все же приятно заходить к вам, молодые люди, — он обвел взглядом всех в помещении, — глаз радуется, когда видишь таких умных, добрых и следящих за своим внешним видом девушек и юношей, не так ли?

Отец Николай так прямо и пристально посмотрел на Витю, что тот, сначала ничего не поняв, через секунду бросился за ширму, откуда раздалось негромкое, но довольно явное начало ругательства, задушенное в корне. Затем раздался хлопок двери.

Отец Николай все это время сохранял самый спокойный вид, и вслед за Витей сам отправился за ширму, откуда через пару мгновений раздался звук кофемашины и донесся приятный аромат кофе. Через несколько секунд отец Николай уже сел обратно на стул для посетителей. — Так что за история? — протянул он с видом ожидающего начала представления посетителя театра.

Софья что-то буркнула за спиной Зои.

— Ты гневаешься, — протянул ей отец Николай с доброй улыбкой.

— Конечно гневается! — вступил Тимур. — Она нас предупреждала.

— А вы опять не послушали?

— Конечно не послушали, — раздался негромкий голос Вити, который шагнул из-за ширмы. Он был без пиджака и в свежей, без пятен, рубашке.

Отец Николай сделал глоток и смотрел теперь то на Тимура, то на Витю, то даже на Зою выжидательно.

И Тимур не заставил себя долго ждать.

— Светлана Дмитриевна Карачаева, владелица переводческого агентства. Это все Марат сосватал, будь он неладен...

Зоя тут же споткнулась о незнакомое имя.

— Это его брат, — рядом раздался тихий голос Вити.

Тот стоял около ширмы, недалеко от своего стола, но не спешил сгонять ее со своего кресла.

— ...это какой-то там кум-сват, в общем седьмая вода на киселе, и вот эта Светлана Дмитриевна в чем-то там когда-то помогла этому непонятно кому, а Марат сразу стал нас ей подкидывать! — Тимур в это время продолжал рассказ и достал из кармана колоду.

Отец Николай, как до этого и оперуполномоченный в полиции, не повел и бровью.

— Марат всегда подкидывает дрянь, — раздалось от стола Софьи.

— А мне понравилась та история с питонами, — возразил Витя.

— Дрян-не дрян, но звучало интересно, — Тимур смотрел только в карты, — кто-то, неясно кто, угрожал нашей дорогой Светлане Дмитриевне. Причем она не понимала, по ее словам, чем именно. От нее требовали встреч, на которые она не хотела являться, требовали настойчиво, в течение месяца.

— А с чего начались угрозы? То есть она не знала, почему ей угрожают, но ведь могла сопоставить, когда это началось?.. — начал энергично задавать вопросы отец Николай. Глаза его горели.

— Как же, — раздалось ворчание Софьи, — ничего она нам не сказала. Описала в истерике, что ей звонят с незнакомых номеров, требуют встречу. Присылают с анонимных сайтов смски с местами встреч...

— На которые она, конечно же, никогда не ходила, — вставил Тимур.

— А больше она нам ничего не рассказала, — продолжила Софья, — хотела вот на днях, и денег не заплатила...

— Как неприятно, — вздохнул искренне отец Николай, — и что же дальше?

— А что дальше? — раздалось от Софьи, — а ничего дальше, померла Светлана Дмитриевна...

Отец Николай перекрестился.

— ...и прости Господи, хрен бы с ней!

Священник вздохнул на такую бесчувственность Софьи.

— Как верно Софья Павловна заметила, наша Светлана Дмитриевна имела неосторожность быть убитой.

И Тимур кратко пересказал все события того дня, объяснив и то, для чего Светлана Дмитриевна наняла Зою.

— Вы будете переводить тот документ? — спросил отец Николай, а Зоя почувствовала себя загнанной лисицей на поляне — никакой ямки, чтобы спрятаться, а если остановиться — конец.

Возникла пауза. Зоя не знала, что говорить, молчание начало неудобно затягиваться... как тут раздался тихий голос над ухом:

— Сделать тебе кофе?

Синие глаза Вити смотрели внимательно и с пониманием.

— Да, спасибо, — Зоя быстро встала, ухватившись за эту возможность уйти от разговора.

Она шагнула за ширму, походя беглым взглядом окидывая стол Софьи. На мониторе ее компьютера, по всему периметру, были наклейки в виде цветочков. Рабочее место было закрыто стеклом, под которым виднелась только одна фотография, рассмотреть которую Зое не удалось, но отчего-то это стекло и этот кадр глухим гонгом прозвучали внутри... что-то надо было вспомнить, но Зоя не понимала, что именно.

Ширма отгораживала достаточно большую часть комнаты, почти половину. В одном углу стояло большое, в человеческий рост, зеркало с причудливой массивной деревянной рамой: растения вились в лианообразном узоре, гроздья фруктов свисали сверху, по низу стелилась шашечная резьба. Такое зеркало подошло бы будуару какой-нибудь дамы эпохи модерна, тут же оно смотрелось инородно и диковато.

В противоположном от зеркала углу виднелась небольшая дверка.

Ширма выгораживала большое пространство стены с неглубокими нишами. На часть из этих ниш навесили белые деревянные дверки, еще одна, самая большая, дверью не закрывалась, и все ее пространство занимала массивная сверкающая кофемашина.

Витя открыл дверцы одной из ниш и вытащил две чашки — обе разные, цветастые, и совершенно не в масть ни друг другу, ни той чашке, из которой пил отец Николай, а потом завис над кофемашиной.

— Она, эм, знаешь, может все, с молоком, без молока, пена там, просто плюнуть немного, то есть... в общем, что ты любишь?

Он явно суетился и явно пытался себя сдержать и скрыть это.

— Просто черный кофе, — быстро ответила Зоя.

— Ты любишь черный кофе? — Витя обернулся к ней с легким удивлением на лице.

Нет, она не очень любила просто черный кофе, но ей хотелось прекратить страдания человека рядом с собой как можно скорее и не выглядеть капризной, поэтому она кивнула.

— Сейчас вот его бы выпила, а так что угодно. Просто кофе, спасибо.

Витя кивнул, машина зашумела, и через тридцать секунд он протянул ей чашку.

— Держи, зай, — сказал он словно неосознанно, а затем взял чашку для себя и отвернулся обратно к аппарату.

Зоя нахмурилась. Широкая спина в ту же секунду напряглась, и раздался вздох.

— Виноват.

Стоило ей, наверное, ответить «ничего страшного», но Зоя уже так устала от всего происходящего, что не сказала ничего.

Витя сварил кофе и себе, повернулся к ней — на лице осталась тень смутения, которая довольно странно смотрелась в сочетании с его грубой внешностью, а потом кивнул на дверь.

— Пойдем, покажу, что там.

Они оказались в еще одной, довольно большой комнате — тоже со сводчатыми потолками и бьющим из четырех окон светом.

В углу стоял огромный шкаф, из тех, что, как подумалось Зое, мог бы отправлять в Нарнию. В центре — длинный стол и шесть стульев вокруг него. Еще дальше — широкий, выглядящий очень удобным диван.

— Это если засидимся или если придем слишком рано.

— Или если не уйдем вообще, — раздался сзади насмешливый голос, и Зоя, которая в это время решила все-таки пригубить свой, весьма приличный, кофе, едва не поперхнулась от неожиданности.

Тимур стоял на пороге комнаты. В его руках тоже была кружка, и когда он понял, что все взгляды устремлены на него, то громко прихлебнул.

— Кипяточку? — протянул он и подмигнул Зое.

— Тим, хватит. — Витя звучал немного устало.

Тимур сразу как будто остыл, словно до этого бегал внутри невидимого беличьего колеса, а теперь остановился и пытался успокоиться.

— Интересное место для офиса, — заметила Зоя.

— Соглашусь, — Тимур кивнул, — в этом монастыре в советское время были склады, и мой отец тогда как раз стал промышлять всякими кооперативами, когда это стало можно, а потом, опять же когда это стало можно, быстро и под шумок приватизировал эти помещения. Теперь вот судится с церковью — те, разумеется, требуют, чтобы он комнаты освободил, а он в ответ подает жалобы на то, что ему недостаточно компенсируют потери. Так и тянется, уже много-много лет, а мы так тут и сидим. Кстати, отец Николай просил извинить его: его позвали, а он не захотел вторгаться в ваше общение, попросил вот передать свое удовольствие от знакомства.

— А он, выходит, не против, что вы тут?

Витя коротко усмехнулся, Тимур рассмеялся.

— О, он главный автор всех жалоб на то, что мы здесь. Я даже иногда помогаю их составлять — для всяких инстанций. Не дело в монастыре быть офисам, я так считаю. Но и отец Николай, и настоятель монастыря понимают, что если тут не будет нас, если отец продаст помещение — будет еще кто-то, может и похуже. Так что мы сосуществуем и дружим, по возмож-

ности. А отец Николай любитель наших бак и нашей кофемашины, которую, я надеюсь, ты оценишь во всем ее великолепии.

Зоя нахмурилась и цепко посмотрела на Тимура.

— Ладно, — тот сделал новый, уже тихий, глоток, — предложение мое, точнее наше, потому что Витя тоже согласен. Мы бы хотели покопать это дело.

— И что вы хотите от меня?

— ПалПалыч передаст мне сканы того дневника. Хотелось бы, чтобы ты его перевела...

Зоя покачала головой.

— Я... я на самом деле не знаю киргизский — тот язык, на котором написан дневник. Я знаю фарси, знаю таджикский, но вам лучше нанять кого-то....

— Но ты же перевела что-то, разве не так? — перебил Витя, и Зоя повернулась к нему.

— Да, потому что я хотела получить эту работу. Я... в целом, я могу разобраться, у меня есть общие знания по тюркским языкам, но...

— То есть ты на самом деле можешь перевести, — подмигнул Тимур.

— Да, но кто-то, кто разбирается в языке, сделает это быстрее и качественнее.

— Да, но этот кто-то другой не будет тобой. Если будут сложности, мы попросим помощи, но этот дневник и то, что в нем написано, не должны пока выходить за пределы узкого круга.

— Но почему полиция разрешает вам в это вмешиваться?

— У них нет времени переводить длинные дневники с киргизского. Мы дружим и помогаем друг другу, уже давно. Они тоже понимают, что это может быть зацепкой. Если это никуда нас не приведет — значит не приведет; если приведет в какие-то интересные места — значит, будем гулять по этим местам вместе с полицией. Все просто. Тебе мы можем предложить пятьдесят тысяч как аванс, а потом столько же по завершении, если останемся живы.

Зоя никогда не получала столько за работу. Но продолжать общаться с этими очень странными людьми?..

— Ты пришлешь мне сканы или отдашь? Чтобы я занялась этим...

— Только тут, — Тимур покачал головой, — мне передадут распечатки на руки. У нас есть сейф, и поверь — сюда так просто не проникнуть, побезопаснее банка будет. Вооруженной охраны нет, но есть монахи, которые всегда увидят посторонних в неурочное время, а с внешней стороны и вовсе не проникнуть: пока решетки отпилишь — вся улица соберется. Так что... Никаких флешек, никаких электронных носителей, только бумага, только один экземпляр.

— Ты столько говоришь, а самое важное не рассказал. — Витя покачал головой, — что дневник-то и сперли.

Зоя удивилась, что не спросила сама, отчего-то ей показалось, что это очевидно — раз вся история из-за этого дневника. Девушка посмотрела на Витю, взглядом прося объяснений.

Он вздохнул.

— Да, его нет, полиция специально смотрела. В офисе нет, у сестры нет, в квартире нет. То есть, может быть, в каком-то секретном месте и есть, но судя по тому, что офис убийца не обыскивал, он быстро получил то, что хотел, и ушел.

— Но потом обыскивал сотрудников агентства? — удивилась Зоя.

— Именно, — кивнул Витя. — Интересно почему. Может быть, там чего-то не хватало? Страниц? Каких-то документов?..

И тут Зоя поняла, о чем подсознание пыталось ей напомнить при виде стола Софы.

— Фотография, — вырвалось у нее, — там было фото, вложенное в дневник.

Она быстро рассказала про то, как подняла выпавший кадр с пола.

— В офис преступник вернуться не может, — заметил Витя, — все опечатано, и пока там работает полиция.

— А вот попробовать квартиры сотрудников, вдруг у них есть этот кадр... — продолжил Тимур мысль.

— А полиция не находила фотографию в офисе? — спросила Зоя.

— Я уточню, — Тимур достал телефон, а она подробно описала расположение стола и свои действия.

Тимур некоторое время разговаривал, расхаживая из угла в угол, а затем остановился в центре комнаты так резко, что полы пиджака картинно взметнулись за его спиной.

— Фотографию они до этого не находили. Поищут. Поехали, Зоя, домой, а вечером я позвоню тебе и сообщу, что они отыщут или не отыщут, а ты сообщишь, согласна ли ты на мое предложение.

— А где твоя машина? — Софья стояла, облокотившись о косяк двери, сложив руки на груди и недовольно поджимая губы. — На парковке нет.

— Кстати, верно! — чуть ли не подпрыгнул Тимур, — сейчас мы как раз вернемся, чтобы ее забрать. Зоя отказалась ехать со мной в машине, представляешь, Софья Павловна!

— И правильно сделала. Совершенно нечего молодой девке с мутным типом кататься на машине.

— Мутный тип приглашает прокатиться с ним на метро, — хихикнул Тимур, пряча улыбку в кружку, — вас я показал, на сегодня, думаю, достаточно, если у тебя, Зоя, конечно нет планов в центре.

У нее не было планов, поэтому она неловко распрощалась в Витей и Софьей: первый только кивнул, вторая опять что-то раздраженно цыкнула и отвернулась.

— Ты действительно привез меня просто чтобы показать, где вы работаете? — спросила Зоя, когда они вышли на улицу, за монастырские стены.

— Ну да. И ты точно хочешь спросить, почему я так себя вел, — Тимур пожал плечами и пошел по улице наверх.

— А с клиентами вы общаетесь так же? — спросила Зоя вместо того, чтобы высказать все свое недовольство. То, что Тимур понимал, насколько его поведение неприятно, осадило ее.

— Конечно.

— И от вас не разбегаются? От всего этого?

Потому что меньше всего эти две комнатки, в которых она сегодня побывала, походили на место, где можно принимать хоть сколько-нибудь серьезных людей.

— Нет. Если кто-то действительно в беде, то ему все равно на то, где мы работаем и как разговариваем. Если кто-то сделал что-то глупое, и надо помочь с этой ошибкой справиться — потерпит. А обратится если какой-то идиот, который хочет чтобы мы стирали его белье и думает, что деньги все решают — то да, такой уйдет, но мы и так не будем с ним работать.

Тимур притормозил и снова выставил свой локоть. Зоя, подумав секунду, решила повторить утренний ритуал и согласилась принять его руку, и уже через несколько минут они спустились в метро.

— Так что ты подумай, — продолжил уговаривать ее Тимур, — Будешь приезжать к нам, стол организуем, все будет в лучшем виде, обещаю. Переведешь, и если пустота, ничего интересного — получишь деньги и все, распрощаемся.

— Но?.. — она чувствовала, что Тимур не договаривает.

— Но я не гарантирую тебе, что ты точно будешь в безопасности, — улыбнулся тот спокойно, но с цепкостью в глазах, — Конечно, в большей безопасности, чем без нас, но... я чаще всего веду себя несносно, ты видела это, а Софья Павловна бывает грубой. Один Витя у нас нормальный, и у него близнецы-подростки, поэтому он знает, как справляться с нами со всеми, но это, пожалуй, единственное утешение, которое я могу тебе предложить.

Зоя удивилась. Подростки? То есть лет одиннадцать-двенадцать?..

— А сколько вам лет? — решила она на личный вопрос.

Тимур улыбнулся.

— Ей-богу, не вспомню, сколько Софье Павловне, но лучше ее и не спрашивать. Нам с Витей тридцать три. Не такие и старые, не так ли?..

Не такие и старые, верно, но выходит, что Витя моложе, чем она сначала подумала, да еще и дети, которые у него появились очень рано...

— С женой он разбежался, кстати, — вдруг подмигнул Тимур.

— Кстати? — не поняла Зоя, но тут поезд остановился, и они вышли.

— Угу. А Софья Павловна все ему своих теток подкидывает, и где только находит. Как видишь, неудачно.

Обсуждать личную жизнь едва знакомого человека не слишком хотелось, и почему-то особенно из-за того, что разговор шел про Витю. Он, как она уже могла себе признать, удивил ее больше все: и в момент, когда поддерживал после убийства, и сегодня. Внешне похожий на тех мужчин, которые напиваются в бане и обсуждают, гогоча, что-нибудь ужасно пошлое, он, напротив, вел себя деликатно и тихо. Этот контраст невольно зацепил ее.

А еще дети... Ни у кого из друзей Зою пока что не было детей — эта область жизни была для нее пока пугающе темной и далекой, и к ней не стоило приближаться раньше времени. Какого это, стать отцом в возрасте даже моложе, чем она была сейчас?..

— Подумай немного, — сказал Тимур, выводя ее из неожиданно наплывших мыслей. Они как раз пересели на голубую ветку, — если ты откажешься работать, то мы все равно будем держать руку на пульсе и предупредим тебя, если будет какая-то опасность. Я скину тебе мой телефон, ты можешь звонить по нему в любое время. Мы приедем, что бы ни случилось.

Когда они вернулись к ее подъезду, то Тимур просто попрощался, сел в машину и еще раз пообещал, что скажет, какие будут новости от полиции. Зоя кивнула и проводила его машину тяжелым взглядом.

Дома было тихо и пусто. Она завалилась на диван в комнате. Настроения хоть что-то делать не было, поэтому некоторое время она без всяких мыслей просто смотрела в потолок. Потом мысли появились — и полились на нее тяжелым, мутным потоком.

Что произошло сегодня? Изысканно-извращенное собеседование на грани издевательства? Искреннее до такой степени, что это было неприлично? Помимо того, насколько ей было неприятно от всего происходящего, на Зою напала тоска.

Ей обычно удавалось разбирать свои эмоции на составляющие, но сейчас было трудно. Отчего она чувствует себя так одиноко? Это последствия сегодняшней встречи? Это переживания последних дней? Шок от вида убитого человека? Отсутствие Ромы рядом? Окончание университета, привычной жизни, перспектива переезда в другую страну?..

Зое вдруг захотелось, чтобы она вообще никогда не отвечала на ту несчастную вакансию.

Зазвонил телефон. Номер она не знала.

Справившись на секунду с чувством дежавю — как будто ей снова, как в то утро, могла позвонить Светлана Дмитриевна, Зоя все-таки взяла трубку.

— Я понимаю, что ты не успела соскучиться, но это снова я, — раздался голос Тимура, энергичный и даже веселый, — мне только что звонил ПалПалыч. Нашли фотографию, там, где ты и сказала. Секретарь, видимо, забыла о ней. Как ты описала, парень на фоне картин, подпись. Возможно, это именно то, что нужно нашему дорогому любителю копаться в чужих квартирах.

Зоя ничего не ответила.

— Так ты подумала, кстати?

— Ты давал время вроде бы до вечера, — слегла поддела она.

— Нет, я сказал «подумай немного», — рассмеялся Тимур в ответ.

Зоя вдруг поняла, что дело даже не в деньгах, которые ей пообещали. А в чем именно?

Она вспомнила еще раз офис, куда запросто заходят монахи попить кофе и поболтать об убийствах, ужасную Софью, неловкого Витю и странного Тимура, и собственные, тяжелые, переворачивающие все внутри эмоции.

— Да, хорошо, — вздохнула она в трубку, — я согласна.

Глава 4. В которой Зоя продолжает стесняться, Тимур ведет себя нормально, Витя показывает новые таланты, а Софья просто Софья

Работа. *Работа-работа-работа.*

Да, теперь у нее есть работа, на которой ее ждут. Тимур попросил приехать на следующий после их разговора день в их офис к десяти. Слово «офис» у Зои совершенно не вязалось с монастырем, но к этому ей, видимо, предстояло привыкнуть.

Буквально через несколько минут после их разговора Зоя увидела СМС о зачислении денег. Пятьдесят тысяч, как Тимур и обещал. Как тот умудрился сделать перевод так быстро, она не знала, но не слишком удивилась. Этому человеку явно легко удастся то, что остальные называют невозможным.

Никаких деталей Тимур Зое больше не дал — ни расписания работы, ни того, что следует принести с собой — и вот это заставило ее как следует понервничать.

Да, ее новые знакомые были странными, но перед ними все равно не хотелось выглядеть по-идиотски. Если она не принесет с собой, например, ручку — найдется ли для нее лишняя или ее сочтут несерьезной? А если притащить с собой слишком много, то, опять же, можно сойти за излишне нервную барышню, пытающуюся выглядеть отличницей.

Мысли эти, вразрез с любой ее волей, занимали Зою весь вечер. Даже мать заметила ее состояние и спросила, не случилось ли чего.

Зоя на это кратко, без подробностей, рассказала, что нашла работу, и потому немного переживает. Враньем это не было, а мать точно начнет меньше ее дергать.

Проворочавшись всю ночь, Зоя встала, чувствуя себя разбитой. Взвесив все за и против, она в итоге положила в рюкзак учебные конспекты, которые могли помочь ей в переводе, тетрадь, в которой она уже делала пометки по дневнику, и пару ручек. Утром, одевшись в потёртую куртку из кожзама, потому что на Москву налетел промозглый ветер, она отправилась в монастырь.

Когда Зоя поднялась, наконец-то, в центре, то пошла вдоль бульвара вниз, к монастырю, ее телефон зазвонил веселой мелодией, которая стояла у нее только на одного человека.

— Ну! — улыбнулась она, беря трубку.

— Сегодня распродажа у «Котиков и коготков», — бодрый голос Ани встряхнул и ее саму.

— Я работаю, — вздохнула Зоя.

— Но в какой-то момент ты же закончишь работать? — Аня не отставала, — напиши, сколько и куда мне привалиться, встретимся и поедем вместе.

А действительно, во сколько она закончит?..

— Хорошо, я напишу тебе, — сдалась Зоя довольно быстро.

Они с Аней проговорили еще несколько минут, почти до самого монастыря. Тут Зоя поняла, что ее рюкзак все еще украшает россыпь значков. Она, прямо на ходу, начала отцеплять яркие кругляшки и убирать во внешний карман. Стоило ей только положить последний, как она услышала свое имя и, вздрогнув, закинула рюкзак на плечо, не успев застегнуть карман.

Тимур, сверкая идеальным зубами, шел к ней с противоположной стороны улицы. Прохожие, преимущественно девушки, оборачивались на него с интересом, а Зоя в очередной раз испытала иррациональную, тщеславную гордость за то, что идет он именно к ней.

— Замечательно, ты уже тут! — сказал он так вдохновлено, словно не он сам позвал на работу к определенному времени.

— Да, добрый день, — как можно более открыто, но все-таки сдержанно улыбнулась Зоя.

— Пойдем, — Тимур кивнул на монастырь, — я кое-что уже раздобыл, а Витя должен был пошуршать насчет рабочего места, все должно быть готово.

Когда они оказались в кабинете, Зоя замерла на пороге, с удивлением осматриваясь.

В офисе появился еще один стол с компьютером. Он был зажат между столами Тимура и Вити, и для этого и тому и другому пришлось подвинуть свои рабочие места. Стол Софьи, как Зоя заметила сразу, не сдвинулся ни на миллиметр.

Протискиваться к креслу предполагалось через узкую щель между ее столом и столом Тимура, но Зоя подумала, что это нестрашно, учитывая, что и новым коллегам теперь оставалось совсем мало места, особенно широкоплечему Вите.

— Добрый день, — тот, словно услышав, что Зоя вспомнила о нем, вышел из-за ширмы с дымящейся кружкой в руках.

Сегодня он выглядел более расслабленно в джинсовой рубашке, которая была немного узка ему в рукавах, и в хлопковых коричневых брюках.

— Я тут немного сдвинул-подвинул, ну, как смог, — он махнул рукой на столы.

— Большое спасибо, — кивнула Зоя, испытывая колкое чувство неловкости, но при этом и благодарность. Кажется, этот тихий и большой мужчина и правда, как Тимур и говорил, был оплотом спокойствия в общем безумстве агентства.

— Вот, — Тимур подошел к Зое и протянул ей стопку бумаг, наверху которой был маленький темный квадратик, — в полиции мне сделали копию распечатки дневника и копию фотографии.

Улыбающийся юноша смотрел на Зою, картины в темных рамах висели на стене позади него, все та же непонятная фраза про новинки украшала заднюю сторону кадра.

Зоя кивнула. Она протиснулась к своему месту, села в кресло, положила перед собой дневник. Хотелось шумно выдохнуть, чтобы отпустить все напряжение, но это не осталось бы незамеченным. Вместо этого Зоя начала вытаскивать из рюкзака конспекты и выкладывать их стопкой рядом с копией дневника. Снова почувствовала себя, словно она школьница, которая собирается заняться прописями, а не какой-никакой работой. Посмотрела украдкой на соседние столы.

Витя, сдвинув брови и прихлебнув из чашки, склонился над чертежом. Тимур что-то быстро печатал в телефоне. Они, видимо, просто... работали? Зоя не знала, что ожидала увидеть, но отчего-то точно не это, особенно вспоминая тот цирк, который гулял по этому офису вчера.

— А что вообще понятно про этот дневник? Если, конечно, что-то понятно. — спросил Тимур, отрываясь от телефона.

Зоя бросила взгляд на бумаги.

— Записи довольно сумбурные, по крайней мере в начале. Написано латиницей, значит — после 1927 года, в том году киргизский перешел с арабского алфавита на латинский. Но до пятидесятых — точный год я не помню, он перешел на кириллицу. Так что да, скорее всего это тридцатые-сороковые.

Зоя поняла, что на нее внимательно смотрят теперь и Тимур, и Витя, очевидно, тщательно запоминая все, что она говорила.

— То есть ты можешь переводить с языка, который ты не до конца знаешь, и написанный не современным, а старым языком? — в голосе Вити слышалось что-то, что Зоя бы очень хотела назвать восхищением.

— Ну... да... — она совсем смутилась, — но у меня есть словарь!

Она приподняла со стола старую, издававшую виды книжку, которую купила на букинистическом развале еще на первом курсе. И сразу же, чтобы скрыть заалевшие щеки, склонилась над бумагами.

Работа шла не так быстро, как хотелось. Снова проскользнула мысль, что лучше бы нашли кого-то, кто действительно знает язык, но она тут же оборвала себя. Если Тимур выбрал именно ее — значит, она будет делать свою работу. Решив так, она заправила за ухо выбившийся локон и решительно взялась за карандаш, делая пометки и перенося готовые предложения в тетрадь.

А когда первая запись была готова, Зоя не удержалась от тихого смешка.

Новая столовая на Никитской... проще было отправиться самому, вышло бы дешевле. Мне кажется, даже мухи не стали бы есть эти котлеты.

— Что там? — тут же встрепенулся Тимур.

Зоя прочистила горло и зачитала отрывок.

Тимур коротко хихикнул, а со стороны Вити раздался тихий, летящий смех. Интересно, повышает ли он голос хотя бы иногда? Сразу вспомнился отец — тот, наоборот, как будто не умел говорить тихо, даже когда пытался. Особенных высот звука он достигал во время застолий, на которые иногда приглашал дочь — посидеть с профессурой, с умными людьми. Он всегда складывал руки на небольшом животе, поверх вечной фланелевой рубашки, и вещал, шутил, спорил...

Она вернулась к тексту.

Мариночка принесла варенье. Собралась, кажется, вся Колесница. Банки не стало за десять минут.

Зоя нахмурилась. Определенно, слово «Колесница» было написано с большой буквы.

Она пробежалась глазами по листку. Там было шесть записей, и в трех из них она увидела то же слово. «Колесница» с большой буквы.

Сегодня открыли нашу выставку. Павел Геннадьевич особенно почему-то отметил мои зарисовки Кремля. В Колеснице было не протолкнуться.

А дальше:

Я до сих пор не знаю, как нам пришло в голову такое название. Нет, все-таки только «Колесница», никак иначе.

Остальные записи на странице были довольно хаотичным: автор жаловался на погоду, на то, что у него прохудились ботинки, снова сетовал, что ему сложно говорить на киргизском — хотя, видимо, письмо проблем не приносило, или же Зоя, в силу скудного владения языком, не могла оценить стилистическую правильность текстов.

Она решила проверить одну идею и начала уже вбивать поисковый запрос в строке браузера, как дверь в кабинет распахнулась и ворвалась Софья: узкие джинсы, красный топ и черная кожаная куртка по фигуре. Зоя готова была поспорить, что это была именно кожа, а не дешевый кожзам, как у нее.

— Соня! — обрадовался Витя, — иди сюда!

Женщина, бросив колкий взгляд в сторону Зои, прошла к нему и склонилась над чертежами.

— Вот тут, — Витя показал на что-то в чертеже.

— Угу, — только и сказала Софья, и, не сказав больше ничего, стремительным шагом ушла из кабинета, громко хлопнув дверью.

Зоя предпочла ни о чем не спрашивать и вернуться к своим поискам.

«Колесница. Творческая группа» — отправила она запрос.

Результаты оказались не слишком вдохновляющими. Малоизвестная рок-группа перестроечного времени — Зоя отмела ее сразу: и дневник едва ли относился к этому времени, да и речь шла о картинах. Еще несколько страниц про то, как тяжело было собираться в XIX веке на светские рауты в провинции — для этого нужны были колесницы, как написал в шутку один провинциальный фельетонист.

Только на второй странице Зоя нашла то, что могло подойти. Научная статья о художественных объединениях Москвы в 1930-е годы.

Несмотря на постановление 1932 года о ликвидации всех литературных и художественных объединений и создании подчиненных государству союзов писателей и союзов художников, отдельные небольшие частные группы продолжали существовать и организовывать выставки (например, «Литературный серп», «Квадратно-красное знамя», «Колесница прогресса»).

От «Колесницы прогресса» шла сноска:

Российский архив истории искусства, дело 517

«Колесница прогресса» — уже что-то. Зоя вбила название целиком, но результаты не сильно ей помогли. Все, что удалось найти, так это то, что Колесница прогресса — небольшая любительская художественная организация, которая существовала в 1930-е годы в Москве.

— Ты что-то выяснила! — услышала Зоя возглас Тимура.

— Почему ты так решил? — глядя на сверкающие хитрецей глаза она не смогла сдержать улыбки.

— Потому что ты выглядишь как человек, который что-то нашел, — протянул он, — и, кстати, я кое-что хотел тебе предложить...

Но договорить он не успел. В кабинете снова появилась Софья. Теперь ее колени были испачканы как будто бы землей, на плече куртки виднелась царапина, а в волосах...

— Соня, у тебя там перья, — прямо заявил Витя, нахмурившись.

Софья приподняла глаза, пытаясь рассмотреть, что у нее на голове — а там и вправду было целый куст из перьев и несколько клочков пыли.

Тимур начал смеяться, Витя цыкнул, подошел к Софье, встав у нее за спиной, и начал вынимать перья из волос.

— Все нашла, — резюмировала она, по всей видимости, про какое-то удавшееся дело. — Остаток он переведет тебе до вечера. Можно готовить отчет.

Витя ушел за ширму с ворохом перьев в руках. Софья упала в свое кресло, тут же закинув ноги на столешницу.

— Так что ты выяснила? — Тимур перевел веселый взгляд на Зою.

— Кажется, автор этого дневника состоял в небольшой художественной группе, которая существовала в 1930-е годы, — рассказала она, — группа называлась «Колесница прогресса».

— Ну и название, — раздалось фырканье от стола Софьи, которая, оказывается, внимательно слушала. И Зоя была с ней согласна — название было даже по меркам того времени излишне высокопарным и просто нелепым.

— В открытых источниках про эту группу совсем ничего, она, видимо, никак и не прославилась. Но я нашла номер архивного дела, смогу запросить его на чтение, если, конечно, это не какая-то закрытая информация.

— Не волнуйся, — Тимур встал и начал кружить по комнате, — если что, договоримся, чтобы доступ дали. А я как раз закончил общение с родной сестрой нашей несравненной Светланы Дмитриевны. Общение было крайне чувственным и обширным, но я уговорил ее встретиться со мной завтра в двенадцать в ее доме. Ты не хочешь поехать со мной?

Зоя удивленно моргнула.

— Я? Это вроде как... на допрос?..

— Почти, — Тимур кивнул, остановился посреди кабинета и начал перекатываться с пятки на носок и обратно, — Скорее дружеская беседа, в которой мы попытаемся выяснить то, что эта дама могла скрыть от полиции, даже ненамеренно.

— А зачем тебе я? — не могла не спросить Зоя, при этом с удивлением отмечая, что первым ее желанием было согласиться без каких-либо уточнений.

— Я подумал, что тебе было бы интересно. И оденься, пожалуйста, похуже. Какой-нибудь страшный вязаный кардиган. В общем, то, что ты уже давно не носишь и в чем ощущаешь себя ужасно глупо и неуверенно.

Спросить, зачем именно так, она не успела. На столе завибрировал ее телефон.

Во сколько и где мы встречаемся? — это была Аня.

— А во сколько... Эм... Ну... Во сколько заканчивается рабочий день? — наконец осмелилась она спросить.

— Как ты хочешь, — Тимур ожидаемо улыбнулся, — у нас все свободно, главное делать свою работу. Поэтому ты можешь уйти во сколько хочешь и прийти завтра во сколько хочешь, я дам тебе ключ.

— Хорошо, спасибо, — кивнула Зоя. Понятнее не стало, спокойнее тоже, но она решила, прикинув степень собственной усталости, назначить встречу не слишком поздно. — Тогда я, если вы не против, уйду в пять.

— Я, кстати, тоже, поеду с документами к тому душнине, — тут же сказал Витя. Софья почему-то тут же громко фыркнула. Тимур только задумчиво улыбнулся и посмотрел на Зою.

— Так что насчет завтра? — снова спросил он и подмигнул.

Конечно же, он подмигнул.

— Если я окажусь полезной, то буду рада, — проговорила она немного зажато, и Тимур довольно кивнул.

— Прекрасно. Я скину тебе вечером сообщение с адресом. Она назначила в полдень.

Зоя спокойно доработала до пяти, только один раз прервавшись, чтобы выйти в магазин за обедом. Перевести она успела лишь три страницы, что ее немного расстроило, но она постаралась успокоить себя тем, что в начале работы с любым текстом может быть сложновато. Ровно в пять они с Витей начали собираться.

Зоя, протискиваясь через узкий проход, потянула на себя рюкзак, и в этот момент поняла, что с утра так и не закрыла задний карман.

Россыпь значков сначала, словно в замедленной съемке, взмыла вверх, а затем острым дождем обнаженных булавок ринулась на застеленный ковролином пол.

Тимур и Витя, не сговариваясь, вскочили и начали подбирать значки. Зоя покраснела. Софья, выпрямившись над своим столом, только хмыкнула со странным удовлетворением.

— Какие цветастенькие! — заметила она, кривясь.

— Это сюда прикрепить? — спросил, не обратив на Софью никакого внимания, Тимур, показывая на следы от проколов на ткани рюкзака.

— Да. Спасибо. Нет. Я... я сама, — Зоя начала суетливо, пряча взгляд, цеплять значки.

— Витюш, а это не тот ушастый, по которому Лелька с ума сходит? — сказала Софья.

Витя, который в этот момент сгреб в ладонь целых пять значков, присмотрелся к одному из них.

— Да, он и есть, — кивнул он, и в его глазах быстро мелькнуло едва ли ни умиление.

— Ага, тощий такой. Брендон... Брендон...

Бранден — хотелось поправить Зое, но она не стала.

— ... приятно, что подрастающее поколение объединяют общие интересы, — продолжала Софья, — Лельке, кстати, тринадцать. Это дочка его. Одна из двух.

Зоя увидела, как замерло лицо Вити, но он тут же стряхнул оцепенение и выпрямился.

— Твой типаж? — Тимур протянул Зое последние значки, на которых тоже был изображён остроухий и невероятно красивый полуэльф Бранден.

— Нет, — смущенно ответила она, забирая значки.

Зоя врала — отчасти, но врала. На первом курсе она обратила внимание на Рому именно потому, что он был похож на ее любимого героя.

Они с Витей попрощались со всеми. Зоя ощутила странную робость, выходя с ним из кабинета: они впервые оказались рядом наедине, и она боялась, что между ними повиснет неловкое молчание.

Стоило им оказаться за монастырскими стенами, как Витя вытащил пачку сигарет.

— Ты не против?

Зоя отрицательно покачала головой, и Витя, засунув сигарету в угол рта, чиркнул зажигалкой, которая появилась в его больших руках как будто сама по себе.

В нос ударил запах дыма, но Зою он не раздражал. Они с Витей пошли рядом, бок о бок, к перекрестку, около которого они должны были встретиться с Аней через десять минут.

— Ну как, терпимо? — Витя первым нарушил молчание, скосив взгляд на Зою.

— С вами? — она неуверенно улыбнулась, — да, спасибо. Очень спокойно.

— Обычно так и бывает, — Витя глубоко затянулся, — Вчера Тимур устроил цирк. Обычно он более сдержанный.

— Да, он сказал, — Зое почему-то захотелось пригладить волосы, которые, вдруг подумалось ей, наверняка в полном беспорядке, ведь она не расчесывалась с утра. Вместо этого она выпалила мучавший ее вопрос. — А ты думаешь, я и вправду ему нужна? Завтра? Зачем он меня позвал?

— Раз позвал, значит нужна, — Витя пожал плечами, — лучше работать на таких встречах вдвоем, это рассеивает внимание собеседника. Видимо, завтра нужен кто-то... — Зоя увидела, что он подбирает слова, — ...нормально выглядящий. То есть Сою хорошо брать на допросы к мужчинам, меня хорошо, если надо кого-то испугать. А сейчас нужен кто-то ну...

— Я поняла, — Зоя кивнула и поняла, что от сердца немного отлегло.

— И ты все-таки согласилась, — добавил вдруг он, и теперь в его улыбке проскользнула хитреца. По крайней мере Зое так показалось, но уверена она не была. Этот мужчина не только говорил тихо, но и улыбался так, словно скользил по глади эмоций — почти не поймаешь, если не смотреть внимательно.

— Не надо было? — она хитро усмехнулась в ответ, и Витя прищурился, как будто беззвучно смеясь.

— Почему же не надо? Просто интересно...

Что именно интересно Зоя спросить не успела. Позади них послышалось энергичное цоканье, и знакомый голос окликнул ее.

К ним по переулку, стуча сбитыми невысокими каблуками черных туфель, шла Аня. До скандальности короткая клетчатая юбка беззастенчиво демонстрировала худые длинные ноги. Провокативность низа отчасти компенсировалась огромным серо-коричневым свитером с маленькими розовыми пуделями по всей вязке. Длинные вьющиеся локоны спадали рыжими прядями на выделяющуюся грудь. В том, чтобы видеть хоть что-то, Ане помогали толстые очки в бордовой оправе. Оправу эту она стащила у своей бабушки, вставив туда нужные ей, в крепкий минус, линзы.

Сама про себя Аня говорила, что одевается в лучших традициях городской сумасшедшей, но она, конечно же, лукавила. Она могла надеть на себя что угодно. Одежда была не важна — лучшая и главная подруга Зои была необъяснимо, по-ведьмински обаятельна, прямолинейна до очарования и каким-то образом умела добиваться внимания любого мужчины, на которого положила глаз.

Сама Зоя обычно только улыбалась этому, но сейчас едва сдержала вздох. Зоя рассчитывала, что попрощается с Витей до того, как она подойдет.

Аня доцокала до них и остановилась напротив Вити, окидывая его откровенно оценивающим взглядом, вытянула из небольшой черной сумочки, которая висела на плече, пачку тонких сигарет, зажала одну между тонких пальцев с немного обсыпавшимся маникюром, и в красноречивом жесте протянула руку вперед.

Витя хмыкнул.

Зоя ощутила странный укол раздражения. Теперь придется объяснять, кто этот мужчина, что он тут делает и почему гуляет с ней.

Аня, прикурив сигарету, отодвинула руку с ней в сторону, а вторую вытянула выше и пошевелила пальцами.

— Анна. Enchanté[1].

Зое захотелось закатить глаза. А Витя, ничуть не смутившись, сжал ладонь, склонился и оставил на ней легкий поцелуй.

— Moi aussi[2], — ответил он без акцента и улыбнулся совсем хитро, — Виктор... Алексеевич.

Почему-то от того, что он добавил в конце отчество, раздражение Зои стало поменьше.

— Вас сложно заподозрить в знании французского, — прямо заявила Аня, затягиваясь синхронно с Витей.

— Люди таят множество сюрпризов, — протянул то, и на его лице мелькнуло в этот момент такое выражение, что Зоя вдруг поняла, отчего этот на вид неловкий бугай — из тех мужчин, которые приходят со следами губной помады на рубашке.

Как все-таки неудобно, что Аня увидела их вместе.

— Я вас оставляю, — сказал Витя почти сразу же, бросая на Зою быстрый взгляд.

— До свидания, — ответила та, кивая.

— До самого скорого, надеюсь, — подмигнула Аня, и Зое захотелось шикнуть на нее.

Витя опять хмыкнул, махнул рукой и пошел дальше по улице, сопровождаемый облачком сигаретного дыма.

Аня смотрела ему вслед как-то особенно пристально.

— Будешь с ним трахаться? — спросила она деловито и затянулась.

— Совсем, что ли? — опешила Зоя.

— А что? — искренне удивилась Аня, — смотри, как тебя глазами жрет.

— Ничего не жрет! — взвилась Зоя, чувствуя, что краснеет. — И он старый!

Аня сдвинула брови.

— Разве старый? Лет на десять, разве больше? Но ты как знаешь, а я говорю, что вижу. Страшноватый, конечно, но не в этом главная суть. Такие обычно или ого или го-го, — она свободной от сигареты рукой сначала раздвинула, а потом сдвинула пальцы, — но я все же думаю, что нормально. Тяжелый, небось.

Зоя только открыла рот. Не то чтобы она не привыкла к такой прямоте и к таким разговорам от Ани, просто никогда раньше они не касались ее самой.

— Так чего? — Аня процокала к ближайшей урне и выкинула окурочку, — ты подумай, правда.

— А то забереешь себе? — Зое отчего-то захотелось зашипеть.

— Зачем? — удивилась Аня, — мне чужого не надо, у меня свое есть.

— Рома скоро приедет, — вместо этого отрезала Зоя.

— Ах, Рома, да, — протянула Аня.

Зоя остро посмотрела на подругу.

— Дура, — резюмировала она.

— Сама дура, — парировала Аня, подойдя ближе.

В следующий момент обе засмеялись. Зоя уткнулась куда-то в плечо Ани, а та приобняла ее.

Они начали дружить не сразу. На первом курсе они не общались, на втором виделись мельком только на поточных парах, иногда пересекались на встречах общих друзей, но друг на друга поглядывали без интереса и даже с некоторым предубеждением. «Тоскливая тихоня» и «развязная грубиянка» — так они думали друг про друга.

Аня была дочерью широко известного в узких кругах театрального режиссера, всегда доставала билеты на премьеры, на встречи с актерами, и вообще вела, на взгляд Зои, слишком активную социальную жизнь.

Все изменилось, как оно часто случается с самыми важными событиями в жизни, в одночасье, в совершенно непримечательный осенний день на третьем курсе. Зоя сидела в университетской столовой и пыталась найти в себе силы встать и пойти на пары. Столовая была почти пуста — перемена закончилась, все ушли, а она уже опаздывала. Рома ушел слушать лекцию по истории Персии в XVIII веке — она уговорила его, что с ней все хорошо.

Силы не появлялись. Она проплакала всю ночь и все утро — странная, затяжная истерика, которую она успешно скрывала от всех, чтобы не объяснять ее причины. Она и так знала все разумные и правдивые слова, которые ей сказал бы любой, кто ее выслушал. Ведь она была не права, но слезам на это было плевать.

— Что у тебя случилось? — раздался мерзкий скрип металла по плитке, и Аня упала на стул напротив нее, похожая на огонь с рассыпающимися по плечам рыжими локонам.

— Ничего, — отрезала Зоя.

— Точно? — на лице Ани было искреннее и честное беспокойство, но не было суетливости, какая почти всегда возникала у матери или у Ромы, когда Зоя пыталась объяснить свое плохое настроение.

Зоя почувствовала, что еще немного, и просто не выдержит, поэтому ничего не ответила.

Аня пожала плечами.

— Дело, конечно, твое. Главное не вешайся в дачном туалете, как моя тетя.

Зоя распахнула глаза. Аня пожала плечами с демонстративно циничной небрежностью.

— Ты, наверное, хочешь спросить, как она там поместилась? А он большой был, с мрамором. Это я так говорю, что дача. На самом деле домина был, что надо. Дядя мой богатый. Был. Тетю любил, но бил. Вот она и того. А он потом начал пить и почти все пропил.

— Мне жаль, — выдавила Зоя.

— А мне нет, — явно соврала Аня и пожала плечами.

— Мой отец вчера привел на встречу со мной свою девушку. И я расстроилась, — смогла, наконец, хоть кому-то сказать совершенно пустяковую причину своей истерики Зоя. А потом рассказала и остальное.

Рассказала, что едва ли правильно называть эту даму «девушкой», потому что ей около сорока. Отец, честь ему и хвала, никогда не отличался тягой к молодым и заводил отношения обычно с коллегами по экспедиции. Это всегда были умные, интересные и зрелые женщины. И отец очень любил Зою с ними знакомить. А менялись они достаточно часто, почти каждый год. Когда Зоя была помладше, то думала, что с одной из этих женщин отец сможет связать свою жизнь. Но он не связывал. Он был легким человеком и не хотел, видимо, утяжелять себя новым браком.

Дамы сменялись, и чем дальше шло дело, тем меньше Зое хотелось с ними знакомиться. И вот вчера, когда они должны были пойти с отцом в Исторический музей, он пришел не один. Его намерения были такими же светлыми, как рассеянная и добрая улыбка — ведь его «Маргариточка» была отличным специалистом по неолиту, а, значит, могла рассказать его «Зючке» много интересного. Но «Маргариточка» отчего-то оказалась той самой, кто сломил выдержку Зои.

Она и сама не знала, почему так плакала. Ведь как ни расскажи — отец хотел как лучше. Он был в разводе с матерью Зои столько, сколько она себя помнила, никакой драмы, она уже ко всему привыкла. Но все равно плакала.

Аня слушала ее внимательно. Потом открыла рот и, явно покатав во рту слова, резюмировала:

— Дерьмо.

А потом они поехали на Чистые пруды, в бар, и с удовольствием напились, а Аня сказала про свою семью.

Про своего отца, который вечно водит домой молодых девочек, мечтающих получить главные роли в его пьесах. Про мать, вышедшую в тираж актрису, которая и сама не отказывала себе в удовольствии встречаться с молодыми парнями. Про старших братьев, которые давно забыли про сестру.

Ане нравился красивый фасад жизни ее семьи, нравился и театр, и все общество вокруг него, нравилось водить туда знакомых. Но она, как всегда честно, понимала, что на самом деле живет на зыбком болоте — никаких опор, никакой уверенности.

И Аня нашла для себя опору в любви — в той специфической форме, которая, однако, ей подходила. У нее было горячее сердце и желание, как она говорила, напитать всех собой и напитаться самой. Долгих отношений у нее не случалось, но она их и не хотела. Она говорила, что только сейчас, пока им двадцать, она может делать все, что хочет. А потом она быстро выйдет замуж, родит пятерых детей и станет самой спокойной и верной женой. Отчего-то Зоя была уверена, что все так и будет.

Они стали подругами — самыми лучшими, самыми близкими. И их отношения не омрачало никогда и ничего, кроме одного.

Аня не любила Рому.

Нет, она никогда не говорила об этом прямо, не намекала Зое, не ругалась с Ромой — напротив, они достаточно хорошо и ровно общались. Но в том и было дело — в том, что Аня относилась ровно к тому, кого Зоя считала главной постоянной в жизни.

Однажды Зоя спросила прямо — а Аня только пожала плечами.

Не то, чтобы Зое было нужно ее одобрение, но вот это *не-одобрение* всегда слабым дождевым червячком, размякшим в луже, сидело в мыслях.

Вот и сейчас. Что за выпады в сторону этого огромного, взрослого, откровенно несимпатичного мужчины в разводе с двумя детьми?

Но Аня не стала ничего выпытывать и начала рассказывать о том, какую любопытную ночь провела с сорокалетним художником, домой к которому пошла после открытия его выставки. Картины ей понравились, а вот сам художник не очень, и Аня подробно описала, почему и что могло бы быть лучше. Зоя слушала, поддакивала и много, много смеялась.

«Котики и коготки» находились в удалении от центра, у станции метро, где стоял любимый Зоей старинный верстовой столб. В самом магазине было достаточнолюдно — бал был скоро, и они встретили много знакомых лиц.

— Может это? — Аня протянула Зое черную кожаную юбку до колена и полупрозрачный розовый топ, а затем стащила с полки фиолетовый, усеянный звездочками, парик.

— Рейса? — Зоя удивилась. — Я разве похожа на бесстрашную воительницу и охотника на наемников?

— Я всегда говорю, что ты бесстрашная воительница, — улыбнулась Аня, а затем затолкала Зою в примерочную.

Зоя начала стягивать с себя одежду, бросая пока что полные сомнения взгляды на вешалку. Она-то хотела просто, как и обычно, быть Ви-ви, медиком, которая спасала подпольщиков, и у нее почти был готов костюм, но...

Почему бы не попробовать что-то новое?

Зоя стащила с себя джинсы и, склонившись, начала натягивать эластичную ткань юбки, но почувствовала за спиной шевеление. Резко выпрямилась с незастегнутой юбкой на бедрах — и в этот же момент ее сзади обняли две руки, а чей-то нос — она, конечно, сразу поняла, чей — уткнулся ей в шею.

— Здравствуй, котик, — Рома осторожно поцеловал ее за ухом. — Сюрприз!

Зоя развернулась лицом к нему, и улыбнулась, пытаясь справиться с удивлением.

— Как ты тут?.. Ты же должен быть на Кипре.

— Верно, — улыбнулся Рома, раздвигая мягкие губы, — но там знакомый тоже соби-
рался в Москву, но не смог, билет пропал, и можно было просто заплатить за переоформле-
ние, а я понял, что так соскучился по тебе...

Рома наклонился вперед и крепко, прихватывая своими губами ее губы, поцеловал Зою.
Она отстранилась опять.

— А узнал, что я буду тут, ты через...

— Аню, да, — лучезарно кивнул Рома.

Зоя ощутила тепло, но, к своей досаде, не из-за того, что Рома был тут, а из-за отзывчи-
вости своей подруги, которая, как бы ни относилась к Роме, но прежде всего хотела сделать
приятное самой Зое.

Она немного отстранилась и внимательнее всмотрелась в Рому.

От загара он стал еще более красивым. Застенчивыми поцелуями солнца горели вес-
нушки, волосы от соленой воды начали сбиваться в кудри, плечи как будто стали шире, видимо,
от постоянного плавания.

— Не забудь про парик, — послышался голос Ани, которая заглянула в примерочную.
Зоя, отойдя уже немного от встречи с Ромой, послушно натянула его на голову. Рома тихо
прыснул, Аня только кивнула.

Зоя посмотрела на себя в зеркало. Вспомнила не самые лестные высказывания Софьи о
своих увлечениях. Кивнула отражению и дала вердикт:

— Отлично.

Утро встретило Зою ярким солнцем, пробивающимся через полупрозрачный кружевной
тюль, и тяжестью чужой руки на талии.

Рома лежал рядом, до живота прикрытый одеялом, обнимал ее во сне и тихо сопел.

Зоя осторожно повернулась на бок, натянула одеяло и на свое обнаженное тело, и при-
нялась рассматривать Рому: острый силуэт его лица, так хорошо освещенный солнцем, трепе-
щущие ресницы.

Она вспомнила, как любила раньше, чтобы разбудить Рому, бродить кончиками пальцев
по его лицу — от лба к немного вздернутому носу и дальше к губам. Вспомнила, как тот ловил
ее пальцы поцелуями.

Что-то екнуло внутри, и Зоя решила встать. Нашла скинутую рядом на пол одежду, натя-
нула белье, джинсы и кофту и пошла умываться.

Вчера после магазина они выпили кофе втроем, а потом Рома прошептал на ухо, что
соскучился и что да, они могли бы поехать к нему, квартира все равно пустовала, пока осталь-
ная семья была на Кипре. Зоя не возражала. Зачем возражать против хорошего секса? И верно,
сейчас она чувствовала приятную расслабленность во всем теле.

Но, несмотря на физическое удовольствие, внутри все равно было странно. Зоя прошла
на кухню. Увидела на подоконнике пачку сигарет — она всегда лежала там на случай, если
понадобится кому из гостей.

Очень захотелось закурить — такое редкое для нее желание. И Зоя выдернула сигарету,
пристроилась на подоконнике и чиркнула зажигалкой. Кремний кольнул не только огнем, но
и воспоминанием: как широкие, явно сильные руки помогают хитро улыбающейся Ане при-
курить. Как пытается Витя, устраиваясь то так, то этак, примоститься на подоконнике в поли-
цейском участке, все с той же сигаретой в руках.

Губы отчего-то сами собой растянулись в улыбке, и, глупость какая, Зоя почувствовала
себя не такой одинокой.

Что происходит?

Зоя медленно курила, вспоминая, как делать это так, чтобы не обдирать легкие дымом. Когда уже ткнула сигаретой в пепельницу, услышала шаги.

Рома зашел на кухню и встал в проеме, улыбаясь и смотря на нее с теплотой. Он был в белье, и Зоя пробежалась глазами по стройным ногам, поджарому животу и крепкой груди.

И тут поняла.

Она не чувствовала — ничего, совсем.

Тонкий, красивый, милый Рома, который готов переехать вместе с ней в Испанию, с которым они планировали так много, с которым она еще год назад думала, что свяжет, точно свяжет свою жизнь, ведь не было никаких причин не связать...

А внутри — сейчас не звучит ничего, только отголоски былых эмоций, только тепло от прежней связи. А в настоящем как будто и связи этой нет.

Что-то не так. Нет, она просто устала. Она просто отвыкла, и все обязательно вернется на круги своя. Потому что у них — серьезные отношения. Потому что, когда так долго вместе — может же и быть так, что не трепещет, что не течет по крови старый огонь. Значит такой период. Он закончится, и все снова будет, как должно.

— Какие планы на день? — Рома, не знавший о ее метаниях, подошел поближе. — Ты курила? Бывает. Ты говорила, что должна поехать на работу? Сделать тебе завтрак?

Зоя успела вчера рассказать о том, что нашла подработку, и о том, что должна в двенадцать приехать на встречу.

Она вытащила из кармана мобильный и посмотрела на экран. Входящее сообщение от Тимура. Никаких лишних слов, только время, в которое он заберет ее на машине от ее дома.

— Да, на работу, верно. Спасибо, я помогу тебе с завтраком, — глухо отозвалась Зоя.

А мысль о встрече с Тимуром вызвала чувство предвкушения и облегчения, как будто бы она нашла достаточный повод, чтобы не проводить дальше день в квартире Ромы.

Зоя едва заметно нахмурилась своим эмоциям, тряхнула головой и отправилась резать хлеб.

[1] Очарована

[2] Как и я

Глава 5. В которой Тимур справляется со стрессом, Зоя учится задавать вопросы, Витя пьет кофе, а Софья просто ест

Предупреждение перед главой: Музей, который в ней упомянут, не настоящий. Фондовые комиссии работают совсем-совсем не так, как и сайт Министерства культуры. Не ужасайтесь=)

По словам Тимура, сестра Светланы Дмитриевны жила за городом. Им предстояло отправиться туда на машине.

Зоя выехала из дома Ромы пораньше, чтобы успеть заехать к себе и переодеться. Тимур попросил ее надеть что-то старое и непримечательное, и Зоя перекопала весь гардероб, прежде чем нашла то, что хотела – серый свитер в крупную вязку, который придавал её коже оттенок залитого дождями болота, и даже волосы делал тусклыми. Мама, подарившая его Зое ещё в школе, говорила, что этот свитер делает её «серьёзнее и взрослее», поэтому выкинуть рука не поднималась – приходилось хранить его в дальнем углу шкафа и иногда надевать.

Для усиления образа она нашла и свои старые джинсы, которые имели характерный яркосиний, “рыночный” цвет, отличавший их от джинсов из сетевых магазинов. Она в самом деле купила их на рынке в Лужниках, в один промозглый летний день, когда оделась не по погоде и замерзла до дрожи.

Для завершения образа Зоя постаралась сделать свой обычный быстрый хвост еще более небрежным, выбив рукой несколько прядей, как будто ее волосы поклевали воробы.

В условленное время она вышла из дома. Черный Мерседес уже ждал ее, как и два дня назад, и Тимур стоял в той же позе, облокотившись спиной о машину, и широко улыбнулся при ее появлении.

— Уж теперь-то ты ко мне сядешь? — он подмигнул. — Ехать нам за город, примерно минут сорок. Пока едем, я введу тебя в курс дела по поводу этой самой сестры. Кстати, отличный наряд, идеально.

Зоя закатила глаза, показывая, что понимает специфичность образа. Сам Тимур помимо очередного безупречно сидящего костюма, надел жилетку из тонкого, наверняка очень дорогого трикотажа. Любого другого такая одежда сделала бы похожим на моднящегося библиотекаря, но Тимуру она придавала слегка домашний и очень располагающий вид.

— Так вот, — начал Тимур, когда они сели в машину и отправились в путь, — смерть Светланы Дмитриевны Карачаевой стала той еще головной болью для полиции. Следов пока что никаких. Уличных камер не так и много, и вход в ее переводческое агентство они не захватывают. Кто внимательный — поймет, как пройти по улице так, чтобы никто ничего не увидел. Охранная фирма, с которой работала Светлана Дмитриевна уже полгода как разорвала с ней контракт, потому что та прилично им задолжала.

— Зачем вообще переводческому агентству нанимать охрану?

— Отличный вопрос! — Тимур оторвал одну руку от руля и воздел палец вверх. — Светлана Дмитриевна, как ты наверняка поняла, не является на самом деле великим знатоком языков. В эпоху полной свободы предпринимательства ей создали фирмочку, которая занималась, конечно же, переводами, но большую часть ее бизнеса все-таки составляло прикрытие сделок не самого чистого вида.

— То есть ее убрал кто-то?.. — начала Зоя, но Тимур покачал головой.

— Едва ли. Светлана Дмитриевна давно растеряла свои связи. Вероятно, тогда ей это агентство оформил какой-нибудь любовник, с которым они потом разбежались. В любом слу-

чае, уже года три за ней ничего такого интересного не наблюдалось. Она жила на те средства, которые заработала в тучный период своей деятельности. В последнее время дела пошли, как видно, совсем туго, она даже пыталась вести дела агентства как именно переводческого... а потом появился этот дневник, и ей стали угрожать. И, видишь, дневник оказался таким важным для нее, что она даже решила нанять переводчика за не самые разумные деньги.

— Дневник, который помог бы решить проблемы в финансах? — предположила Зоя, разглядывая неприветливые виды Третьего транспортного кольца.

— Кто знает. Однако скажу тебе, что тут поработал кто-то весьма любопытный.

Тимур оторвал одну руку от руля и стал загибать пальцы.

— Никаких следов в кабинете. Никаких отпечатков кроме тех, что оставляли сотрудники агентства. Убита Светлана Дмитриевна пулей в лоб. По всей видимости, убийца находился в одном из высоких зданий около агентства. Наша клиентка, скорее всего, повернулась к окну, где была открыта форточка, и в этот момент в нее выстрелили.

— Кто-то ждал, когда она повернется? Но ведь можно ждать очень долго. Надо было как-то привлечь ее внимание...

— Или повернуть ее к окну в нужный момент. И у полиции для нас тут нет хороших новостей. Вероятно, речь идет о заказном убийстве и об очень опытном исполнителе. Днем с огнем мы не сыщем, кто же именно в нее стрелял. И... мне кажется, кто именно стрелял — не самое главное. А вот кто повернул ее в сторону выстрела...

— Погоди... — Зоя вдруг поняла, что не задала одного очень важного вопроса, — а ведь вы... вы же нашли меня там. Тогда... Я пришла раньше вас.

— Ты хочешь спросить, не подумали ли мы, что ты причастна к убийству? — хмыкнул Тимур. — Вопрос, как всегда, отличный. Да, конечно, мы это *обдумали*. Но подумали ли об этом всерьез? Нет.

— Но почему? Ведь вы не знали, сколько времени я провела у Светланы Дмитриевны.

— Ну смотри: когда мы вошли, то ты, судя по твоей реакции, нас точно не ожидала. Узнать о том, что мы идем, чтобы разыграть комедию — ты бы не смогла, не успела бы подготовиться. Твоих отпечатков нет нигде в кабинете: ни на кресле, ни на столе, ни на самой убитой. Ты могла, конечно, приехать в агентство непонятно когда, состряпать дело с убийством, ловко уничтожить все свои отпечатки и потом стоять и ждать, когда же мы объявимся, чтобы разыграть перед нами сцену с полубомороком, но ты на такое, уж извини меня, не способна. И есть звонок тебе от Светланы Дмитриевны, полиция его прослушала. Есть время этого звонка.

— Моя сонливость могла быть постановочной, — не унималась она, а Тимур на это рассмеялся.

— Так про все можно сказать, что это постановочное. Вот я везу тебя куда-то, на какой-то допрос — а может быть я все соврал, и мы криминальные авторитеты, которые разыграли перед тобой благородных алкателей законности. Веришь ли ты в это?

Зоя задумалась. Представить, что ее знакомые на стороне криминала, она почему-то не могла.

— Вот именно, — Тимур верно понял ее молчание. — Знаешь, существует профайлинг в криминалистике — описание личности преступника, его черт характера, образа мышления. Очень помогает в поиске. Так вот ты, прошу прощения, по профилю совсем не подходишь под нашего преступника, как ни крути. Нет, разумеется, и полиция проверила тебя — и они тоже ничего на тебя не нашли.

— А этот... кто все это сделал со Светланой Дмитриевной. Каким может быть этот человек?

Тимур нахмурился.

— Пока что мне не очень понятно. Нам надо больше деталей об убитой.

Зое показалось, что у Тимура, на самом деле, были определенные соображения по поводу того, кем мог быть ответственный за гибель владелицы переводческого агентства. Возможно, он не хотел делиться подробностями. Да и не обязан был, на самом деле.

— О, так мы едем на Рублевку? — Зоя прочитала название на дорожном указателе, когда они пересекли МКАД.

— Да, в один из поселков рядом. Участки там раньше, в советское время, выдавали генералам и другим шишкам Министерства обороны.

— То есть сестра Светланы Дмитриевны связана с армией?

— Они обе связаны, — Тимур в плотном потоке машин, петляющих по узкой дороге, перестроился в поворотную полосу. — Светлана Дмитриевна и ее сестра, Оксана — дочери Дмитрия Дмитриевича Карачаева, генерала армии. Он не славен какими-то великими победами, но вот звание получил, а с ним хорошую квартиру в центре Москвы и участок за городом. Его не стало десять лет назад, дочери унаследовали все.

— То есть они эти две сестры совсем и не бедные? Раз есть и квартира, и земля...

— Сама по себе недвижимость не гарантирует богатства. В случае Светланы Дмитриевны это все — остатки былого величия. Да и про участок, допустим он есть, но ведь на нем надо строить дом, этот дом надо поддерживать. Нет, то, что у тебя влиятельные родители — не обеспечивает тебе преуспевания в твоей собственной жизни. Эта самая Оксана Дмитриевна, судя по тому, что удалось нам узнать, удачно вышла замуж — ее муж, Леонид Мезенцев, успешный бизнесмен, занимается перевозками по России. У них есть дочь. У Оксаны Дмитриевны, конечно же, прекрасное алиби на время убийства, полиция ее хорошо допросила. Они передали мне все, что на нее есть, ее образ жизни, распорядок дня. На первый взгляд, ничего такого, но хорошо бы понять, что из себя представляет эта самая сестра.

Машина ехала по однополосной дороге, петляющей в сосновом лесу.

— Кстати, а больше налетов на квартиры сотрудников агентства не было?

— Нет, — голос Тимура стал мрачнее. — Видимо, преступник, кто бы он ни был, понял, что это привлекло слишком много внимания. Да я и уверен, что он не сам лазал по домам. Нанял кого-то, как сделал для того, чтобы застрелить госпожу Карачаеву.

— То есть это кто-то с большими связями в криминальном мире?

— Вот ты и сама начала составлять профиль преступника, — Тимур теперь звучал довольно, как и всегда тогда, когда Зоя делала верные предположения по расследованию.

В этот момент они подъехали к будке со шлагбаумом, который перегораживал дорогу. Тимур остановился, и из будки к ним вышел невысокий, крепкого вида мужчина с кобурой на поясе.

— Мы к Оксане Дмитриевне Мезенцевой.

По просьбе охранника и Тимур, и Зоя показали свои документы.

— Да, она предупреждала. Но про автомобиль разговора не было. Я не могу пропустить транспортное средство.

— А позвонить ей и уточнить не получится? — протянул Тимур с лукавой усмешкой, но без агрессии в голосе.

На лице охранника появилось немного глумливое выражение.

— Нет. Распоряжений не было. Сказала — вас пустить. Про машину ничего.

— И куда же нам машину девать?

— Парковками не занимаюсь, — хмыкнул охранник.

Тимур не стал с ним спорить. Он развернул машину и поехал обратно по дороге.

— И что нам делать? — спросила Зоя, несколько удивленная его спокойной реакцией.

— Как что? Парковаться. — Тимур в этот момент вывернул руль, и они съехали с асфальтированной дороги на узкую проселочную, где буквально через тридцать метров нашлась, среди деревьев, небольшая сырая полянка.

Тимур въехал на нее, заглушил мотор и вышел, чтобы следом подойти к двери пассажирского сидения и открыть ее для Зои.

— Ты не стал скандалить, — заметила она, когда они бок о бок зашагали по дороге обратно к шлабгауму и охраннику.

— А зачем скандалить? — Тимур искренне удивился. — По всей видимости, сестра Светланы Дмитриевны недалеко ушла от нее характером. Она попросила охранника не пускать нас на машине, и конфликт тут показал бы нас склочными и суетливыми.

— Но зачем же ей так поступать, если вы договорились о встрече?

— Люди любят демонстрировать свою власть, — Тимур привычно предложил ей свой локоть, и Зоя, уже без раздумий, ухватила за него. — Иногда так мелко, как сейчас. Оксана Дмитриевна не слишком расположена к встрече, хотя и не отказала в ней. Создавая нам неудобства, она чувствует себя лучше — в какой-то форме отмищенной. Вот видишь, сколько мы уже про нее поняли. А если бы мы устроили скандал, она бы что-то поняла про нас, и вовсе не то, что ей надо понимать.

Тимур и Зоя прошли через охранника, опять показав ему документы, и тот, продолжая скрывать ухмылку, пропустил их.

Они зашагали по узкой, на одну машину, дороге, а над ними кренились огромные, по пять метров в высоту, пыльные разноликие заборы, над каждым из которых была протянута колючая проволока

— Как тут уютно, — сглотнула Зоя.

— Ага, просто зашибись. У моего отца было что-то такое, когда я учился в школе. Не тут, другом районе Москвы. Терпеть не мог тот дом.

— А теперь? У него что-то более скромное?

— А теперь он на исторической родине в Ульяновской области разводит коз.

Зоя опешила.

— Очень дорогих коз, — добавил Тимур, увидев ее замешательство, и продолжил, — а что ему еще делать? У него хватит денег до конца жизни всех его правнуков. Сидит на старых активах, судится с кем надо, а с кем надо - не судится. Козы — прекрасный выбор для очень богатого пенсионера. И мой самый старший брат у него управляющий на ферме. Так, а вот и нужный нам дом...

Они подошли к когда-то белому, а теперь невнятно-бежевому забору из профлиста.

— Не волнуйся ни о чем. Что бы ты ни сделала — это не будет ошибкой. — Тимур выпустил руку Зои и решил дать последние напутствия. — Я веду разговор, ты осматриваешься. В какой-то момент я спрошу тебя, нет ли у тебя вопросов. Если будут — задавай смело. Не будут — ничего страшного, не задавай. Просто будь рядом. Это твоя главная задача.

Зоя кивнула и набрала побольше воздуха в легкие, пытаясь вместе с кислородом набраться душевных сил и смелости. В таких домах она никогда не бывала. Пускай родители Ромы и были небедными, пускай у них была и хорошая квартира, и хорошая дача, это все ни в какое сравнение не шло вот с *этим*.

Тимур подошел к двери, которая была встроена в забор, и позвонил в звонок. Ему почти сразу же ответил гулкий, искривленный динамиками голос. После краткого разговора дверь перед ними открылась, и их встретил очередной охранник, который передал их, буквально с рук на руки, женщине, которая, судя по возрасту, явно не была Оксаной Дмитриевной, но, судя по выражению лица, совершенно точно отвечала за все происходящее в доме.

— Вас ожидают, — степенно произнесла эта женщина, и у Зои появилось сильнейшее желание сделать книксен.

Женщина повела их по утопающему в соснах участку — от входа края забора видно не было. Министерство обороны не скупилось на гектары для своих служащих.

Недалеко от них, посреди небольшой полянки, утопающей в лучах солнца, стояло два человека: девочка лет десяти-двенадцати и девушка, которой могло быть между двадцатью и тридцатью. Перед каждой стояло по мольберту. Они рисовали, и старшая стояла рядом с младшей, давала советы и направляла руку.

Зою провели мимо них, и девушка успела кинуть взгляд на рисунок девочки — он, оказался красивым, полным легкости и какой-то особой, личной манеры.

Их Вергилий в юбке представлять ни Зою, ни Тимура не сочла нужным и повела дальше к входу в трехэтажный дом. В прихожей она предложила разуться и подтолкнула ногой две пары белых тапочек одинакового размера. Тимуру они оказались маловаты, от этого его пальцы вылезали спереди, Зое же — великоваты и то и дело норовили соскользнуть с ее носков.

После прихожей их провели, наконец, в дом.

Оформлен он был в современном хай-тек стиле: много стекла, бетона, серой краски. Весь первый этаж представлял собой единое пространство — огромная гостиная с камином, перед которым стояли черные кожаные диван и кресла, рядом — блестящая металлик кухня с барной стойкой. Почти все стены, при этом, были увешаны картинами.

Из кухни к ним вышла женщина в тренировочных штанах и толстовке.

— Оксана Дмитриевна, вот они, — дама, которая привела их в дом, сделала такой жест рукой, словно желала соединить судьбы хозяйки дома и ее гостей.

— Спасибо, Тереза, больше ничего не нужно, — Оксана Дмитриевна кивнула женщине, а когда та ушла куда-то вглубь дома, указала рукой на кресла у камина. — Присядем?

Оксана Дмитриевна походила на сестру и цветом волос, и лицом, но выглядела куда лучше покойной. Ухоженная кожа, никаких мешков под глазами, хороший маникюр, красивые брови, никакой пластики, но точно следы дорогой косметики и умного косметолога.

Женщина мазнула незаинтересованным взглядом по Зое, и дальше обращалась только к Тимуру.

— Без прелюдий, пожалуйста, — сказала она, когда они уселись в кресла по обе стороны дивана. — У меня нет времени, полиция и так отняла кучу времени.

— Тело вам уже выдали? — спросил Тимур с вежливой улыбкой, контрастирующей с не самой веселой темой вопроса.

Оксана Дмитриевна явно опешила. Вероятно, она не ожидала, что ее призыв обходиться без прелюдий приведет к такой прямоте ее визитеров.

— Пока нет, но... В полиции нам сказали, что уже все закончили. Так что... отдадут через пару-тройку дней, тогда и...

Тимур кивнул. Повисло молчание, которое он явно не собирался прерывать.

— Слушайте, — Оксана Дмитриевна, по всей видимости, начала нервничать, — я уже все сказала полиции. Я не понимаю, с какой стати я должна разговаривать с вами.

Не понимаешь, но все-таки согласилась говорить, — подумала Зоя. Интересно, странно ли это? Или такое поведение типично? Ведь наверняка хочется выяснить, отчего кто-то пытается что-то раскопать? Это страх, что накопают и на тебя? Или обычные для любого человека эмоции?

— Мы уточняем некоторые детали по этому делу, — голос Тимура был размеренным и мягким. — И я крайне признателен за то, что вы все-таки согласились нас принять.

— Вы так и не сказали на кого работаете! — Оксана Дмитриевна перебила его и начала говорить с нажимом, как будто хотела пойти в наступление после своего прежнего замешательства. — И если моя сестра вам не заплатила, то не рассчитывайте, что вы получите хоть что-то от... Вы не могли бы не ерзать?!

Зоя кинула взгляд на Тимура. Тот замер, руки, которые лежали на коленях, сложились в кулаки и снова расслабились, а затем изящно легли на диван по обе стороны от его тела.

Вероятно, он в своей обычной манере начал шевелить пальцами и переступать ногами, а их любезная хозяйка не оставила это без внимания.

— Прощу прощения, — улыбка Тимура оставалась все так же непринужденно-вежливой, — Я повторю снова: мы ни в коей мере не рассчитываем ни на какую материальную компенсацию. Мы просто помогаем полиции проверять те версии, которые являются побочными для изучения гибели вашей сестры.

Оксана Дмитриевна обняла себя руками и откинулась на спинку дивана.

— Я жду. Задавайте ваши вопросы.

— Я могу записывать? — Тимур вытащил из кармана телефон.

— Если на телефон — нет. Еще будете... шумно тыкать, — женщина поджала губы.

— Я могу писать от руки, — встряла Зоя, — у меня с собой... ну. Блокнот.

Она кивнула на свой неизменный рюкзак. Оксана Дмитриевна кивнула, и Зоя достала ручку и блокнот.

— Подскажите, не обсуждала ли с вами сестра... — начал Тимур, но его опять сразу же перебили.

— Не обсуждала. Мы с ней вообще почти не общались со смерти отца. Поздравления с днем рождения и Новым годом, да и хватит. Мы никогда не были близки. Отец нас объединял. После него объединять стало некому.

Взгляд женщины метнулся вбок, и Зоя проследила за его направлением и сразу же удивилась, как не заметила этого раньше: на противоположной от них стене, причудливо контрастируя с современной обстановкой, висел портрет мужчины.

Изображенный в полный рост, мужчина этот был плечист, одет в парадную военную форму и увешан наградами. Это, очевидно, и был Дмитрий Дмитриевич Карачаев, генерал и отец двух не слишком дружных сестер.

Остальные полотна представляли собой темные, странные разводы, мрачные фигуры в плащах, натюрморты в грязных оттенках желтого и зеленого. Ничего красивого, на вкус Зои, кроме, разве что небольшого пейзажа с речкой и деревней, который висел на самом краю, в неприметном, затемненном углу, словно его пытались скрыть от остальных.

Тимур, пока Зоя рассматривала стену, продолжал общение.

— То есть ваша сестра не обращалась к вам в последнее время с вопросами о том, что хотела бы, например, продать какие-то документы или вещи?

Оксана Дмитриевна пожала плечами.

— Нет. Ко мне моя сестра не обращалась. Мне лично от нее ничего не было известно. После смерти отца мы с сестрой разделили наследство поровну. Ей досталась квартира в Москве, мне — участок. Все было сделано с юристом и оценщиком, суммы получились равными, никаких претензий в плане финансов у нас друг перед другом не было. Соответственно, своей недвижимостью и всем, что в этой недвижимости может обнаружиться, она могла распоряжаться так, как считала нужным. Ни о чем сообщать она мне была не обязана и не сообщала.

— И никакие другие организации с вами не связывали? Аукционные дома? Галереи?..

Прежде чем Оксана Дмитриевна ответила, в гостиную вошли двое мужчин, оба в спортивных штанах в обликпу. На одном, бородатом, с копной курчавых волос на голове, была настолько открытая майка, что Зое захотелось отвернуться. На втором, короткостриженном блондине, — простая футболка, в руке он держал сумку.

Бородатый кивнул короткостриженному, потом выставил вперед массивный кулак, в который блондин ударил своим.

— Пока, бро. Спасибо за тренировку, — кивнул бородатый, и его спутник, закинув сумку на плечо, пошел к выходу из дома.

— Леня, у нас все еще... посетители, — хозяйка дома кивнула на Тимура и Зою.

— Леонид. — Мужчина протянул Тимуру руку. — Что, пришли выпрашивать про мою свояченицу и моего любимого тестя?

Леонид хмыкнул и упал на диван около жены.

Одеваться он не спешил, и Зоя, помимо своей воли, была вынуждена наблюдать, как гуляет его волосатая грудь под майкой. На шее Леонида висело сразу несколько цепочек, среди которых почти затерялся большой золотой крестик.

— Да, ваша супруга позволила задать ей несколько вопросов, — кивнул Тимур.

Леонид глухо рассмеялся, а потом кивнул на портрет на стене.

— Вот. Висит. Смотрит. Нет, ну мужик нормальный был.

Все в комнате теперь смотрели на портрет генерала. Все, кроме Зои. Она вдруг увидела, что Тимур, который уличил момент, когда никто не обращает на него внимания, несколько раз сжал и разжал руки в кулаки. Пальцы его задрожали. Он нахмурился, и дрожь прекратилась.

— А это, кстати, все Оксанкино, — продолжал Леонид, обводя рукой все картины вокруг генеральского образа.

Зоя увидела, как в глазах Оксаны Дмитриевны мелькнуло довольство.

— А вот это — нашей Ангелинки, — протянул Леонид, показывая на пейзаж, который понравился Зое. — Вы видели небось, как она рисовала во дворе. Талантище, а не ребенок.

Зоя продолжила смотреть и увидела, одновременно, и теплое, почти нежное выражение на лице Леонида, которое, и то, как набежала тень на лицо Оксаны Дмитриевны.

Интересно, кто так невыгодно расположил детский рисунок?

— Замечательные работы, — заметил вежливо Тимур. Хозяин дома его замечанием остался доволен. Было видно, что он гордится и женой, и дочерью. Неприязнь Зои, вызванная его внешним видом, начала потихоньку снижаться.

— То есть никто вас не спрашивал ни о каких вещах, верно? — снова спросил Тимур.

— Нет, — отрезала Оксана Дмитриевна. — Возможно, спросит, когда я вступлю в наследство. У моей сестры не было ни мужа, ни детей, поэтому все перейдет ко мне, как к ближайшей родственнице. Об этом вам, разумеется, известно. Полицию, конечно же, этот пункт заинтересовал больше всего.

Леонид громко хмыкнул.

— Мы и без этого не с милостыней по улицам ходим. Конечно, кто откажется от квартиры в центре Москвы? Правда, она вся завалена хламом вашего бати. Генеральское всякое. Умер, и кому это стало нужно?

Тут лицо его прояснилось.

— Погоди-ка, Оксан, так было же письмо. Я на него отвечал. На нашу почту упало, я тебе звонил, и ты мне надиктовывала ответ.

Оксана Дмитриевна нахмурилась, как будто сияясь что-то вспомнить. Зое показалось, что выглядело это несколько наигранно.

— Я не помню.

— Ну так потому, что я отвечал. Да, там письмо из какого-то музея, мол не против ли мы, если вещи твоего отца будут отданы на рассмотрение комиссии и что-то там еще. Я и письмо это могу найти, если надо. Ты мне надиктовывала, что написать в ответ.

Оксана Дмитриевна кивнула мужу, и тот ушел на несколько минут, а после вернулся с листом бумаги в руках.

— Вот, — он протянул его Тимуру, — Музей современной военной истории информирует, что вещи, сорок единиц хранения, Дмитрия Дмитриевича Карачаева, переданы на рассмотрение оценочной комиссии. Если комиссия их примет, то будет объявлена закупочная цена и бла бла бла, в общем, не против ли Оксана, что эти вещи будут выкуплены для музея.

— И есть список вещей? — Тимур пробежал глазами текст и передал листок Зое.

— Не-а, — Леонид посмотрел на жену и пожал плечами. — Ничего нет, ни имен, ни списка. Они хотели пригласить в музей, обсудить передачу вещей, но я под диктовку Оксаны — припоминаешь, дорогая? — написал им, что всеми этими делами заведует Светка, и нас не интересует ничего, и претензий мы никаких не имеем.

— А если бы там обнаружили вещи на сотни тысяч долларов? — Тимур улыбнулся уголками губ.

— А там обнаружили? — с иронией отозвался Леонид. — Ну уж нет, мы давно поделили: ей квартира, нам участок. Мы не лезем к Светке, она не лезет... не лезла к нам. Мы вот и дом себе построили отличный, и никто нам слова поперек не сказал, что ту старую дачную развалюху снесли. Я не самый бедный человек, позволю себе хвастовство, поэтому эти сотни тысяч... все-таки думаю не долларов, а рублей — пусть бы лучше ей и ушли, Светлане-то. Едва ли Дмитрий Дмитриевич хранил в кладовке забытого Пикассо, а даже если и хранил, то сделка есть сделка.

— Благодарю. А почему это письмо пришло именно к вам? — уточнил Тимур.

Оксана Дмитриевна выглядела спокойной, но Зое показалось, что по ее лицу в очередной раз пробежала тень.

— Нет, Оксане пришло. У нас на домашнем компьютере иногда все почты открыты, и моя, и ее. Она с телефона увидела, что пришло, а потом мне позвонила и попросила прочитать и ответить.

— Я была за рулем. Сейчас вспомнила, — встряла та.

— Еще раз большое спасибо. — кивнул Тимур. — Я думаю, мы закончили. Если у нас появятся еще какие-то вопросы, могу ли я опять к вам обратиться?

Лицо Оксаны Дмитриевны скривилось, но ее муж энергично кивнул.

— Конечно. Тут мы и полиции сказали, что если надо, то поможем чем сможем. Но мы правда не общались со Светой нормально много-много лет. Вот так думаешь, что всегда есть время, а потом бум, и его нет. Но это все наверняка ее старые дружки, я так и сказал оперу. Времена, помните ли, лихие были. Если помните, конечно.

— Помню, — Тимур сдержанно улыбнулся — Я буду держать вас в курсе, если появятся новости. Зоя Александровна, может быть, у вас есть какие-то вопросы?

Этот выпад Тимура был таким внезапным, что удивились, кажется, все, не только сама Зоя, но и хозяйка дома.

— Я, эм. То есть... — она, хоть и помнила, что Тимур попросит ее что-то сказать в конце, все-таки ступсевалась. Вопросы... какие у нее были вопросы?

Зоя еще раз посмотрела на стену.

— А давно у вас эта картина? — она указала на портрет генерала.

Оксана Дмитриевна нахмурилась.

— Какое отношение это имеет к нашему разговору?

Зоя почувствовала себя глупо. Почему ей пришло в голову спросить именно это?

— Так это... недавно висит, да, — в разговор снова вмешался Леонид. — Месяца три-четыре, да? Его подарил какой-то художник, я их не запоминаю, Оксана вот всех помнит, а я нет, не помню. Ты так рада была, когда подарили. Любимица отца, еще бы! Дмитрий Дмитриевич в ней души не чаял, и это было взаимно.

Оксана Дмитриевна кивнула, но ничего к словам мужа не добавила. Тимур поднялся на ноги. Зоя видела, что он сдержал себя, чтобы не переступить, как делал почти всегда, с носка на пятку и обратно.

— Еще раз благодарю вас. Не будем больше отнимать ваше время.

— Я вас провожу, — кивнул Леонид, вставая с дивана, — не будем Терезу гонять. Посмотрю, как Ангелинка там рисует.

Оксана Дмитриевна лишь смерила их очередным взглядом протухающей рыбы и не сдвинулась с дивана ни на миллиметр.

Когда они вышли на дорогу и дом Мезенцевых остался далеко позади, Зоя тихо спросила у идущего рядом Тимура:

— Я не напортачила?

— Нет, — резко ответил Тимур, который смотрел перед собой. Руки его опять сжимались в кулаки, а пальцы подрагивали.

— Ты...

— Все в порядке, — отрезал он, но тут же постарался смягчиться. — Все правда хорошо. Ты тут ни причем.

Они миновали будку охранника. Еще несколько минут неприятной тишины, нарушаемой только звуками шагов, и Тимур с Зоей свернули к машине.

Зое очень хотелось обсудить все, что произошло, но она чувствовала исходящие от Тимура волны нервозности и чего-то еще, какой-то болезненной сосредоточенности, как будто он до сих пор сдерживает себя.

— Ты не хотел ее еще больше нервировать? — спросила Зоя, и Тимур повернул к ней лицо. В его глазах читалась усталость.

— Приятная дама. Полагаю, у нее свой невроз. Боюсь, я бы слишком раскачал ее, будь я...

Его рука дернулась к карману, где лежали заветные карты.

— Но ты можешь сейчас, — Зое хотелось, чтобы Тимур вышел из мрачной сосредоточенности и вел себя, как обычно.

— Не уверен, — хмыкнул он, немного расслабляя плечи.

— Можешь.

Тимур смерил ее оценивающим взглядом, каким-то новым, не таким, как раньше. Примерялся к ней? Или к своему отношению к ней? К доверию?

Потом он вздохнул, опустил плечи. Сделал шаг в сторону и подошел к большому дубу — ствол в три человеческих охвата и крепкие ветви, накрывающие поляну, где стояла их машина.

Тимур окинул взором дуб. Набрал побольше воздуха в легкие, а затем резко и внезапно (Зоя тихо вскрикнула от неожиданности) ударился об ствол лбом, три раза подряд и громко выдохнул через крепко сжатые губы.

— Получше?.

— Немного, — глухо, все не размыкая своей тесной связи с дубом, ответил Тимур.

Потом он выставил руки вперед, оттолкнулся от дерева и задрал голову вверх, а затем взмыл вверх по дереву.

Зоя только нервно и удивленно рассмеялась, когда Тимур, словно лемур, повис на руках на самой толстой ветви и начал болтать ногами.

— Какая все-таки обаятельная женщина эта Оксана Дмитриевна, — заметил он. Штанина его задралась, и Зоя увидела, что у него бежевые носки с изображением небольших голубых креветок. — Это семейное, теперь абсолютно точно понятно.

Сказав это, Тимур подтянул ноги, обхватил ими ветку и распластался по ней спиной, теперь напоминая хищную кошку.

— Муж вроде ничего, — Зоя подошла ближе и запрокинула голову.

— Да, муж нормальный. Мне кажется, что весь наш приезд был организован для него. Сама посуди. Мы приехали незадолго до конца его тренировки, так, чтобы он точно нас застал. Оксана Дмитриевна знает, как он общается, и понимала, что он наверняка встрянет в разговор. Тебе не показалась странной история, что она попросила мужа прочитать письмо на ее почте и на него же ответить?

— Прозвучало довольно сложно, да.

— Именно! — Тимур хлопнул в ладоши. — Сложно, слишком сложно. Мне не показалось, что эта Оксана Дмитриевна хоть сколько-то боится — или интересуется, если уж на то пошло — что кто-то выяснит причины гибели сестры. Но вот все, что касается происходящего вокруг этой гибели...

Тимур почесал гладко выбритый подбородок.

— И картина еще эта... — неуверенно начала Зоя.

— Картина! Да! Ты поняла, почему ты про нее спросила?

Зое не хотелось сказать глупость, поэтому она предпочла просто пожать плечами.

— Ну нет! — Тимур соскочил с ветки и оказался рядом, весело глядя на нее сверху вниз.

— Вспомни стену. Тебя что-то зацепило, вот ты и спросила.

Зоя постаралась воссоздать мысленно обстановку дома.

— Обои... — вдруг поняла она.

— Угу. Серенькие такие.

— Они были совсем немного выцветшими...

— По форме рам, верно. Картины не так давно перевешивали, и это заметно. Раньше картины висели иначе. Казалось бы, ну картина и картина, повесили и повесили, подарили и подарили...

— Но она занервничала.

— Да. Актриса из нее как из меня буддийский монах. Но вот ты, Зоя... — Тимур невольно обнял ее и потом вдруг быстро чмокнул в макушку. — ...ты настоящее сокровище.

— Я ничего не сделала, — буркнула она смущенно.

— Ты сделала очень много. А теперь давай сядем в машину и разложим все по полочкам.

— И что, ты не будешь даже спрашивать ни о чем карты? — спросила Зоя хитро, когда они уже устроились на переднем сидении.

Тимур повернулся к ней всем корпусом и рассмеялся.

— Ты же понимаешь, что я не умею их читать на самом деле?

— Они нужны тебе, чтобы?..

— Да. Нужны мне, чтобы потому что я странный. Мне сложно оставаться без движения.

— Но почему таро?

— А почему не таро? Это стильно. И пугает людей. Они думают, что я сумасшедший. Отчасти, конечно, они правы, но это все здорово выбивает их из колеи, и общение становится куда более интересным. Но раз ты спросила... Давай попробуем!

Тимур вынул из кармана колоду, перемешал их и выложил веером пять штук Зое на выбор. Она вытащила крайнюю справа.

— Королева кубков, — прочитала она. — Если честно, понятия не имею, что это может значить.

— Давай думать, — Тимур положил карту между ними на подлокотник.

— Эм... Зрелая женщина, у которой есть все, а теперь, со смертью сестры, даже больше?

— Но которой это больше вовсе и не нужно. У нее есть семья: муж, который обеспечивает ее и, кажется, хорошо к ней относится. Дочь.

— А Оксана Дмитриевна работает?

— Нет. У меня есть распечатки с допросов об ее распорядке дня — что она делала перед гибелью сестры. Там встречи с подругами, светские вечера, косметологи, тренажерные залы. Несколько раз в неделю массаж в элитном салоне. Мечта, а не жизнь.

— Но все-таки она нервничает. Но, как ты сказал — не из-за убийства?..

— А из-за того, например, что расследование может помешать её образу жизни.

— Скрывает что-то за своим великолепным тронном? — Зоя полностью втянулась в игру.

— Или кого-то. А еще картинки рисует... бр-р-р... То есть не стоит, вероятно, судить о человеке по его рисункам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.